

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

**Русская народная
культура Поволжья**

**Сборник статей
Вып. 4**

Ульяновск

2021

УДК 398.2
ББК 82.3 (2Рос=Рус)-6
Ж 67

Ж 67 Живое наследие: Русская народная культура Поволжья. Вып. 4. Сборник статей / Центр развития и сохранения фольклора – филиал ОГБУК «ЦНК»; НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», редкол.: М.Г. Матлин (отв. ред.), Орлова Н.А. (отв. за выпуск) и др. Ульяновск: ОГБУК «ЦНК»; ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2021. 109 с.

«Живое наследие» – четвертый выпуск сборника статей и материалов о русской народной культуре Поволжья посвящен вопросам изучения, сохранения и использования народной культуры во всех ее формах и жанрах в культурной, образовательной и воспитательной сферах. Он рассчитан на широкий круг читателей – работников культуры, ученых и педагогов как высших, так и средних учебных заведений. Задача издания – расширить и углубить знания о русской народной культуре, ее классических традициях, современном состоянии, а также способствовать распространению и пропаганде лучшего опыта ее использования в современной культурно-досуговой работе.

© Авторы статей, 2021.

© Центр развития и сохранения фольклора – филиал ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области», 2021.

© НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2021.

История собирания и изучения русской народной культуры

М.Г. Матлин. От Святков до Кузьминок: русские народные календарные обряды Симбирской губернии по записям XIX века

Собирание и изучение русской календарной обрядовой традиции в Симбирской губернии начинается, как и в большинстве мест России, в 40-е гг. XIX века. Это была как частная деятельность отдельных любителей, так и последующая работа Императорского Русского географического общества, Губернского статистического комитета, позднее Губернской архивной комиссии и некоторых других научных обществ. Полученные в результате такой работы материалы, опубликованные или оставшиеся в архивах, дают возможность восстановить в общих чертах некоторые особенности русской календарной обрядности в Симбирском Поволжье в XIX – начале XX в.

Первые публикации календарных обрядов Симбирской губернии размещены в знаменитом издании И.П. Сахарова «Сказания русского народа»¹. В нем он дает достаточно подробное описание Масленицы, Проводов весны и Костромы. Очень важно, что он также указывает на близкие варианты этих обрядов – Пензенскую, Саратовскую, Костромскую и Тульскую губернии.

Второй по значимости является книга И.М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»², в которой описывается масленичная обрядность и приводятся небольшие сведения по народным названиям кануна Рождества.

Но самыми плодотворными в истории собирания календарной обрядности стали 50-60-е гг. XIX в.

Часть материалов была напечатана в Симбирских губернских ведомостях, в «Материалах для истории и статистики Симбирской губернии», издававшихся Симбирским губернским статистическим комитетом, в «Известиях общества археологии, истории и этнографии» Казанского университета. Часть была отослана авторами в РГО и хранится в его архиве³. Небольшое количество записей также хранится в архиве РЭМ. Всего к настоящему времени имеется 20 записей календарных обрядов, причем все они – это фиксация с той или иной степенью полноты отдельных обрядов или обрядовых актов. Указанные описания сделаны в разных местах Симбирской губернии: Сенгилеевский уезд (восток губернии), Карсунский уезд (запад губернии), Сызранский уезд (юг губернии), Алатырский и Ардатовский уезды (север губернии), Симбирский уезд (центр губернии). Такая достаточно широкая география записей, несмотря на неравномерность по количеству и объему описаний обрядов, все же дает возможность представить в общих чертах календарную обрядовую традицию на территории Симбирской губернии в XIX в.

Как известно, главной особенностью Святков было ряжение и колядование. Зафиксировали их собиратели XIX в. и на территории Симбирской губернии. «Во время святков начинается пировня с вечера третьего дня Рождества Христова, молодые люди обоого пола наряжаются в костюмы, кое-как наскоро сшитые и составленные из обыкновенной домашней одежды, так например: женщины и девушки наряжаются турчанками, увертев себя платками, цыганками, молдаванками, старухами с подождком, иногда, очень нередко, наряжаются в мужские костюмы: мужчины бывают наряжены паяцами, медведями в вывороченном полушубке, солдатами, цыганами, трубочистами и тому подобное, таким образом в этих странных костюмах ходят из дома в дом и в каждом, по обыкновению, поют святочные песни, пляшут под игру гармонии, гитары, хоронят золото и так далее; такое веселье продолжается

¹ Сахаров И.П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Ч. 2. СПб., 1837 г.

² Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1838.

³ Туркин В.А. Симбирское Поволжье по материалам архива Русского географического общества // Краеведческие записки. Вып. 10. Ульяновск, 2005. С. 80-109.

каждый вечер до самого сочельника пред Крещеньем; самым лучшим и веселым считается вечер пред наступлением нового года. В это время вы увидите большие группы костюмов и шумное гулянье бывает во всю ночь»⁴. «В святки молодежь ходит по домам наряженной, наряжаясь солдатами, стариками, старухами и т. д.»⁵.

Но также, как и в других местах России, ряжение считалось греховным делом, которое снималось последующим купанием в прорубе на Крещение. «Надеть харю (маску) считается великим грехом, который омыть можно только купаньем в проруби на Крещенье»⁶. «Если кто из них наряжается в маску – харю (по их наречию), то непременно тому надобно купаться в проруби, особливо ими устроенной на день Богоявления Господня во время погружения креста Господня, дабы очиститься от нечистой силы, которая, по их мнению, преобразуется в подобные маски (хари)»⁷.

Колядование сопровождалось пением специальных песенок, которые в одних уездах и селах назывались колядками, а в других таусенями. Так, например, в Карсунском уезде пели таусени. «На Рождество мальчики ходят славить. Надежда получить рубль медных денег так восхитительна для мальчика, что никакая дурная погода не в состоянии остановить его. Накануне нового года в деревнях парни и девки ходят колядовать или славить Таусеня. Кто такой и что это за миф этот Таусень, неизвестно. Славленье происходит следующим порядком: толпа подходит к воротам дома или к окну и запекает:

Черные ворота, посконная борода,

Кричать ли коляду?

Таусень!

Летала же пава,

Таусень!

Роняла же перья,

Таусень!

Кому перья брати?

Таусень!

Иванушко брати,

Таусень! и так далее.

Славильщики выражены, кто чем придумал. Им дарят хлеб, пироги и что случится.

Пение Таусеня сопровождается хохотом, что особенно зависит от запевалы, избранного остряка и балагура...»⁸.

В с. Новодевичье Сенгилеевского уезда, обходя дома накануне Нового года, пели колядку. «В селе Новодевичье Сенгилеевского уезда, Симбирской губернии до сего времени существует следующий обычай. Накануне Нового года маленькие крестьянские девочки ходят по домам к знакомым и поют в честь хозяина и хозяйки следующую колядскую песню:

Во бору стоит сосенка,

На сосенке – павынька.

Павынька летала,

Перышки роняла.

---

⁴ Байсунин И. Заметки о жителях Корсунского уезда Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1854. 27 марта. № 13; 22 мая. № 21.

⁵ Фон-Гребнер В. Село Тетюши: Этнографический очерк // Симбирский сборник. Т. II. Симбирск, 1870. С. 44.

⁶ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда // Симбирские губернские ведомости. – 1850. – 2 декабря. - № 48; 25 ноября. - № 47.

⁷ Малов П. Статистическое описание Сенгилеевского уезда, жителей села Подвалья // ГАУО. Ф. 134, оп. 9, ех. 15. Л. 10.

⁸ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

Кому эти перышки?
- Михайлу Иванычу
Перышки брати.
- Зачем ему перышки?
Шапочку пушити,
Шурьев-то дарити.
Шурья-то спесивы,
У них кони сивы,
На двор не въезжают,
Шапок не снимают.
Коляда! Коляда!
Ходила коляда
Вкруг сударева двора;
Сударев-то двор
Посередь Москвы:
Ворота пестры,
Подворотенки –
Позолотенки –
Позолотенки (позолочены).
Не браните коляду!
Не журите коляду!
Пышки, лепешки,
Свиныя-то ножки.
Все в печи сидели,
Да на нас глядели,
Поесть захотели,
В кузов полетели!

Здравствуйте хозяин с хозяйшкой! С праздником»⁹. Далее собиратель делает очень интересное добавление, что не только ряженье, но саму песню «крестьяне села Новодевичьи считают <...> “треховной”», а также поясняет, что «коляда представляется в образе чертовки»¹⁰.

Но в некоторых селах одного и того же уезда пели и коляду, и таусени. При этом существовало разделение: на рождественский сочельник пели коляду, а накануне Нового года, т.е. на Васильев вечер, – таусени. «I. Вечером, на рождественский сочельник, крестьянские дети в деревне встречают наступление святок пением так называемой коляды. Для этого они, одетые в лучшее платье, у кого какое есть, собираются группами и ходят по дворам распевая, с позволения хозяев, коляду:

Коляда, коляда,
Каракуля-коляда.
Где была?
- За воротами.
- Где ворота-то?
- Сурой снесло.
= Где Сура-то?

---

⁹ Извошников М. Обычай колядованья в Симбирской губернии. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Имперском Казанском университете. Т.5. 1884. Казань, 1884. С. 70.

¹⁰ Извошников М. Обычай колядованья в Симбирской губернии.

- Быки выпили.
- Где быки-то?
- В тростник ушли.
- Где тростник-то?
- Девки выломали.
- Где девки-то?
- За мужья ушли.
- Где их мужья-то?
- Все померли.
- Где их могилки?
- Травой заросли.
- Где трава-то?
- Гуси выщипали.
- Где гуси-то?
- Улетели за горы, за доли;
За темны за леса,
За высоки дерева.

— — —

Коляда, коляда,
В печи сидит,
На нас глядит.
Кто даст – золотой глаз,
Кто не даст – коровий глаз.
За пение коляды дети получают сочни, или тонкие пресные лепешки.

II.

Новый год встречают пением так называемой таусени. Накануне нового года, крестьянские дети, в лучших одеждах, ходят по домам и поют:

Таусень:
Как Иван-то Петрович господин,
Он за охотою ходил,
Таусень! Таусень!
Он за охотою ходил,
Золот перстень упустил.
Таусень! Таусень!
Золот перстень упустил,
Он три окуня поймал —
Как и первый окунечек
Во сто рублей,
А другой-то окунечек
Во тысячу.
Таусень! Таусень!
А третий окунечек
И цены-то ему нет.
Таусень! Таусень!
Набивали ему цену
У сударя во дворце.
Таусень! Таусень!

Вот светел месяц –
Свет Иван Петрович господин.
Таусень! Таусень!
Вот часты звезды –
Милы детушки его.
Таусень! Таусень!
Если в семействе имеется взрослый, не женатый парень и девица-невеста, то в честь их
особо поют:
Тут и ехали, наехали
Бояре-купцы.
Таусень! Таусень!
Срубили они рябинушку
Под самый корешок.
Таусень! Таусень!
Они тесали, повытесали
Рябиновые доски.
Таусень! Таусень!
Они делали, поделали
Звончаты гусли.
Таусень! Таусень!
Да кому в эти гусли
Играть будет?
Таусень! Таусень!
Что играть ли, не играть ли
Братцу Николаю Ивановичу,
Таусень! Таусень!
Что плясать ли,
Не плясать ли,
Сестре Анне Ивановне.
Таусень! Таусень!
Как у молода месяца
Крутые рога,
Таусень! Таусень!
А у нашего Николая Ивановича
Таусень! Таусень!
Вот кудрява голова,
Кудри в три ряда.
Таусень! Таусень!
Завивала, заплетала
Сестра его свет Анна Ивановна.
Таусень! Таусень!
Завивала заплетала приговаривала:
Когда реки разольются,
Тогда кудри разовьются.
Таусень! Таусень!»¹¹

---

¹¹ Зерновский Н. Встреча детьми святок, нового года и весны в деревне. (Записано в Карсунском уезде) // Симбирские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1877. 5июля. № 30. С. 5.

«Накануне Рождества Хр. пекут из пресного теста пышки и лепешки, из коих одна имеет форму свиньи; их дают детям, которые поют под окнами песню: “Коледа (2)! Уде была коледа? На боярском дворе. Что там делала коледа? Коней пасла. Что выпасла коледа? Коня в узде, в золотом седле”. Накануне Нового года вечером дети ходят с кузовом или кошелем по улицам и поют песню, называемую усенькою: “Я хожу ли, я ищу ли государевый двор, ай таусень; государев двор все железный тын”, “Из-за моря кума в решете приплыла, ай таусень, веретенами гребла, мочкой парусила, ай таусень”¹².

Но в некоторых селах существовала прямо противоположная приуроченность: на Васильев вечер пели не таусени, а колядки. «Предание крестьян и крестьянских мальчиков доньше сохраняемое. Ежегодно в Васильев вечер, то есть перед новым годом, собираются мальчишки толпами и ходят по селению. Подходя к каждому дому, начинают так:

Чанны ворота (?),
Посконна борода,
Кликыть ли каледы?
Ка-а-алёда, ма-а-алёда,
Кишки и лепёшки,
Свинья ношки.
Каааалёда, маааалёда,
В печи сидели,
На нас глядели.
Каааалёда, маааалёда,
На поличку сели,
Соловьём запели.
Каааалёда, маааалёда.
Вскочил козёл
На барский двор.
Каааалёда, маааалёда.
Пошто козёл?
- Бруска искать.
Каааалёда, маааалёда.
Нашто бруска?
- Косу точить
Каааалёда, маааалёда.
Нашто косу?
- Сено косить.
Каааалёда, маааалёда.
Нашто сено?
- Коров кормить.
Каааалёда, маааалёда.
Нашто коров?
- Молоко доить.
Каааалёда, маааалёда.
Нашто молоко?
- Робят поить.

---

¹² Орлов Д. Село Большие Березники. 43 стр. в полул. Рукопись 1855 года // Гуркин В.А. Симбирское Поволжье по материалам архива Русского географического общества // Краеведческие записки. Вып. 10. Ульяновск, 2005. С. 99.

Каааалёда, маааалёда.
Нашто робят?
- Свиной пасти.
Каааалёда, маааалёда.
Нашто свиной?
- Убить да съестъ.
Каааалёда, маааалёда.
Летела пава,
Роняла перья.
Кому перья братии,
Кому подбирати?
Сысую с женою
И то с молодою.
(Виличание хозяину дома)
Каааалёда, маааалёда.
И говорят:

Проздравляем вас с наступающим Новым годом. После сего хозяин благодарит мальчиков, подает им в окошко или выносит к воротам напеченных кокурок и пороссячих ног. Потом они идут к другому дому и продолжают так, так выше сего написано»¹³.

«В рождественский сочельник, мальчики, как и во всех здешних деревнях, ходят по окошкам каледовать, распевая:

Каледа, каледа,
В печи сидит,
На нас глядит.
Кто подаст, у того золотой глаз,
Кто не подаст, у того коровий глаз.

После чего выносят им сочни или тонкие пресные лепешки»¹⁴.

Существовала на территории Симбирской губернии и другая общерусская традиция – гадать на святки. Старики гадали об урожае, а девушки – о суженом. «Гаданье на Васильев вечер, особенно у мордвы, производится обыкновенно около полночи, здесь гадают об урожае хлеба; гадают обыкновенно вдали от жилого места в поле. Прежде всего опытные старики собираются в один дом и дожидаются того, пока догорит первая зажженная лучина, и один из опытных стариков берет недогоревший огарок лучины в правую руку и крепко сжимает его, чтобы он не выпал на поле и чрез это не лишился той таинственной, по их мнению, силы, которая особенно действует при гаданиях. Потом берут по горсти разного рода зернового хлеба (об урожае которого намереваются гадать), как то: овса, ячменя и тому подобного, выходят или выезжают в поле на перекресток дороги. Сначала проводят около креста на дороге круг и ложатся в нем головами вместе; круг этот осыпают зернами и потом, тихо ложась на землю, плотно преклоняют к ней каждый правое ухо и с глубоким вниманием лежат таким образом до тех пор, пока что-нибудь не услышат. Именно если они услышат проезжающих людей, силою побуждающих своих лошадей к езде, скрип и треск телег, означающих тяжесть воза, то отсюда заключают, что в следующий год уродится богатый хлеб; если же не слышно ничего подобного, то им угрожает голод. Все это совершается ими до пения петухов, в противном же случае не бывает, по их мнению, прока в гаданиях. Наконец, надобно заметить и то, что эти гадания совершаются у них с благоговением, предварительным крестным знаменем и молитвою.

¹³ ГАУО. Ф.732. Оп. 2. Е.х. 500. Л. 7-7об.

¹⁴ Фон-Гребнер В. Село Тетюши: Этнографический очерк.

Гадают также на Васильев вечер и по домам. Так напр. старожилы из рода в род передают, что по чистоте в этот вечер воздуха и яркости звезд надобно предполагать, что в будущее лето нестись будут хорошо куры. А по ветру, веющему накануне нового года, заключают о множестве в следующий год орехов»¹⁵. «Девушки ходят слушать под окнами, входят в избы толпами, с веселыми песнями, пристукивая под такт в худой заслон или половник, в избах пляшут и скоморошничают»¹⁶.

Весьма кратко представлена традиционная крещенская обрядность. Во-первых, соблюдался запрет в крещенский сочельник есть до первой звезды или до освящения воды¹⁷. Во-вторых, во время водосвятия полагали, что святою водою она становится «потому, что будто бы сам Христос в полночь сходит в прорубь креститься. А колышется вода от того, что будто бы в это время нечистые духи от страха выбегают из воды и возмущают ее»¹⁸. Именно поэтому все ходили на сочельник «за богоявленскою водою, свято веруя, что вода никогда не испортится»¹⁹. И, наконец, в-третьих, в сочельник же было принято «куском мела крестить (делать кресты) на дверях, окнах, воротах, чуланах и трубах, в отогнание невидимого врага супостата»²⁰.

Гораздо более полно представлена в описаниях XIX в. масленичная традиция. Отмечено, что в некоторых селах ее празднование начиналось «с того дня, в который бывает ближайший базар» и только «с пятницы празднуют уже все»²¹. Традиционным на масленицу было такое молодежное развлечение, как катание на скамьях, подмороженных льдом. «Во время масленицы молодые крестьянки, разделившись на две партии, катаются на огромной скамье, подмороженной льдом, по улицам и поют голосовые песни, к ним обыкновенно примешивается молодежь; катанье начинается с среды и продолжается во все дни до чистого понедельника; во всякой улице вы увидите эти партии, из которых одна везет другую, сидящую на скамье, до первого переулка; потом первая садится, а вторая в свою очередь везет обратно до того места, с которого началось катанье; таким образом это продолжается с обеда до глубокого вечера; в последние же два дня катанье начинается с утра и продолжается во весь день»²². В с. Кротково эти приспособления для катания называли *ледянками*²³. Зажиточные же крестьяне «катают на масленицу своих дочерей и жен в обыкновенных мужицких санях, запряженных одною или парюю лошадей, украшенных бубенчиками, колокольчиками, погремушками и тому подобное»²⁴.

В с. Тетюши катались не только молодые парни и девушки, но и пожилые женщины, ибо

---

¹⁵ [Б.а.] Гаданья на Васильев вечер. (Записано в Ардатовском уезде.) // Симбирский сборник. Т. II. Симбирск, 1870. С. 27-28.

¹⁶ Фон-Гребнер В. Село Тетюши.

¹⁷ Роздин Т.П. Праздники. // Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1517. Этнографические сведения о крестьянах Симбирской губернии Алатырского уезда села Семеновского и соседних с ним селений Алатырского же и Ардатовского уезда. 1900 г.

¹⁸ Орлов Д. Село Большие Березники..

¹⁹ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда; также: Орлов Д. Село Большие Березники.

²⁰ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

²¹ Роздин Т.П. Праздники.

²² Байсунин И. Заметки о жителях Корсунского уезда Симбирской губернии.

²³ «Ледянка — Ящик, решето, корзинка и т. п. с подмороженным дном, обледелая доска или просто кусок льда для катанья с гор. Бурнашев [без указ, места, с примеч. «в простонародье»]. Слов. Акад. 1847. Кирил. Новг., 1852. Новг., Петрогр., Олон., Прионеж. КАССР, Волог., Вят., Костром., Я росл., Горьк., Влад., Моск., Твер., Пек., Смол., Орл., Курск., Симб., Пенз., Урал., Чкал., Пери., Омск., Том. Слов. Акад. 1957 [с пометой “обл.”]» (Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Куделя-Лесной. Л., 1980. С. 324).

²⁴ Байсунин И. Заметки о жителях Корсунского уезда Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1854. 27 марта. № 13; 22 мая. № 21.

это действие было связано с представлением о хорошем урожае льна. «На масленичную субботу и воскресенье катаются на лошадях с песнями, причем участвуют даже пожилые женщины в том убеждении, что вследствие этого обычая лен лучше родится»²⁵.

Но особенно подробно во всех публикациях и архивных рукописях описываются проводы масленицы, центральным событием в которой было изготовление чучела и/или ряженье и театрално-игровые действия ряженого. Об этом подробно и обстоятельно писали уже Снегирев и Сахаров, особо выделяю традицию взятия снежного городка. «В Тульской, Пензенской и Симбирской губерниях в субботу дети строят на реках, прудах и полях снежный городок с башнями и воротами. После своей работы, они разделяются на две стороны, одна принимает на себя охранять городок, другая должна отбоем занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы палками. Когда порядятся взять городок, тогда вдруг нападают на охранителей, и после битвы врываются в ворота и разрушают городок. В этой игре принимают участие и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападают на городок. После взятия городка, взрослые воеводу купают в проруби. После сего начинается всеобщее угощение и с песнями возвращаются по домам»²⁶. «В Пензенской и Симбирской губерниях, в субботу на Масленице, крестьянские ребята строят на реке из снега род городка с башнями и двумя воротами, между коими находится прорубь. Игра начинается так: ребята разделяются на две партии — на конницу, которая осаждает городок, и на пехоту, которая защищает его. Устраиваясь в боевой порядок, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыть на взятие городка, где пешие, вооруженные помелами и метлами, стараются маханием испугать лошадей, чтобы не допустить к городку. Но некоторые из конных, не взирая на сопротивление, прорываются сквозь пехоту и на всем скаку въезжают в ворота снежной крепости: что и значит *взять городок*. Победителя купают в проруби; после чего угощают вином всех ратоборцев, отличившихся в пехоте и коннице. Потом, сломав крепость, возвращаются в деревню с песнями. Этою игрой, основанною на каком-либо событии, оканчивается и Масленица»²⁷.

Писали собиратели и о традиции проводов масленицы, особо отмечая ее яркий театрално-игровой характер. Так в селах Карсунского уезда «на последний день масленицы народ собирается провожать ее: делается чучело и сажается на вершину длинного шеста, утвержденного перпендикулярно в санях, запряженных в одну или несколько лошадей. За санями тянется толпа мальчишек, молодых парней, девок, баб; все шумят, поют песни, хохочут, скачут верхом с помелом или заслонкой в руках и тому подобное»²⁸. В с. Большие Березники чучело также сажали на колесо, но рядом с ним садился парень, который манипулировал им, развлекая окружающих. В санях также сидели ряженые в масках и лохмотьях. «Но самая масленица олицетворяется в последний день, т.е. прощенный таким образом: ловкие и расторопные мужики скрепляют вместе от 3-х до 5-ти саней и на них сооружают довольно высокий стол; в середине этого стола укрепляется долгая жердь с колесом на верхнем конце. На конце же этом сажает чучелу, покрытую каким-нибудь балахоном чучело в фуражке, или в изорванной шляпенке, с помелом в руке. Устроивши таким образом масленицу, парни запрягают гусем в сани лошадей 6-ть или 8-мь; на передних лошадях сажает фореяторов или как говорят здесь *фалеторов*, покрытых большими шапками; а на сани для забавы набирают скрипачей, балалаечников, наряженных в маски и лохмотья. Фигуры эти играют, поют, кричат, пляшут и прыгают на санях. С своей стороны и чучело, сидящее на

---

²⁵ Фон-Гребнер В. Село Тетюши: Этнографический очерк.

²⁶ Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. Ч. 2. СПб., 1885. С. 170.

²⁷ Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1838. С. 132-133.

²⁸ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

колесе при посредстве парня делает различные кривлянья и штуки. Это увеселение продолжается с утра и до самого вечера; в нем участвует почти все село. Это-то и значит, по понятию крестьян, провожать масленицу, а с нею и все зимние увеселения и игры»²⁹.

В с. Тетюши масленицу олицетворяла, как отмечает собиратель, бойкая девка, которая надевала кокошник, и в таком виде с песнями ее возили по селу. «На последний день масленицы выбирают девку побойчее других, которую наряжают в кокошник, сажают в большие салазки, возят по селу с криками и песнями, выставляя ее олицетворенной масленицей и подвозя к концу селения, высаживают, чем и оканчивается этот праздник»³⁰. А в с. Кротково потешные речи ряженого были обращены к детям, чтобы они не просили блинов и молочного до окончания Поста, а просили пива, вина и рыбы. «А в прощальный день сплывают сани с трое и утверждают толстое дерево, посреди разлаживают веревочки и наверху дерева делают круг, на котором сидит человек наряженный и кричит, чтоб малые ребята не просили молоко, блины, оладышки и яичка, а больше пива, вина и рыбы»³¹.

Существовали в некоторых селах и особые действия на Прощеное воскресенье. Так в с. Большие Березники в этот день носили «младенца новорожденного к куму и куме с большим калабаном, имеющим на верху разные фигуры, и с паточным пряником. Причем кум дарит крестника или крестницу деревянной чашкой и ложкой, а кума – ситцем на рубашку и какую-нибудь шапочкой»³².

Последующие календарные обряды и праздники не привлекли особенного внимания собирателей, поэтому большинство записей представляют собой фиксацию традиции и ее краткое описание. Так, например, описывая вербное воскресенье, собиратель отмечает только два элемента: стегание освященной вербой проспавших заутреню и соответствующую этому акту приговорку, а также традицию выгонять этой вербой в первый весенний выгон корову. «В заутреню на вербное Воскресение старается быть всякий, особенно дети, потому что накануне их предостерегают поговоркою: “верба хлест, бьет до слез, на куличи, на перепечи, на красные яйца...” После заутрени над проспавшими точно исполняется угроза; но ведь не грозна жиденькая верба, зато соблазнительная поговорка чрезвычайно утешительна детям. Освященными вербами украшают святые иконы; в первый весенний выгон каждая хозяйка гонит на сбор свою корову петюю вербой»³³. Столь же кратко описание традиции выпекания жаворонок на 9 марта. «9-го марта, на день сорока мучеников, пекут из теста жаворонок, приветствуя тем наступающую весну»³⁴. И только в одной публикации приведено действие детей с жаворонком и текст песенки, которую, они при этом исполняют. «Весну крестьянские дети встречают 9 марта пением приветствия жаворонку. В этот день матери их пекут из теста птичек, с которыми дети влезают на сарай и там, поднимая птичек над головами, приветствуют появление жаворонок, – этих ранних вестников весны, распевая в честь их:

Жаворонок, жаворонок,
Прилети к нам,
Принеси нам
Весну красну,
Тепло лето;
Зима надоела,

---

²⁹ Орлов Д. Село Большие Березники.

³⁰ Фон-Гребнер В. Село Тетюши: Этнографический очерк.

³¹ Аполлонов Н. Сенгилеевского уезда по селу Кроткову местные известия // ГАУО. Ф. 134, Оп. 9, е.х. 15. Л. 37.

³² Орлов Д. Село Большие Березники.

³³ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

³⁴ Там же.

Весь хлеб поела,
Всю куделю перепряла,
Всю солому перемяла»³⁵.

Из традиций, связанных с Благовещеньем, приведена только одна – использование при севе просвинок, испеченных во время этого праздника. «К Благовещению пекутся просвиры из муки, пожертвованной накануне крестьянами. При первом посеве, когда выезжают в поле сеять хлеб, благовещенскую просвиру кладут в мешок вместе с зернами»³⁶.

Характеризуя Средокрестие, все собиратели отмечают традицию запекания в печенье в виде крестов различных мелких предметов и последующее гадание по ним о судьбе членов семьи. «На четвертой недели Великого Поста, в среду, пекут из теста кресты и в один или несколько запекают мелкие монеты; за обедом кресты раздаются и тот, у кого найдется монета, почитается счастливым»³⁷. «В среду на крестопоклонной неделе у нас пекут кресты, в некоторые из них запекают монеты однокопеечные, кольца. Кому достанется такой крест, тот будет счастлив в жизни, в его же пользу поступает и запеченная вещь»³⁸. «На четвертой седмице В. поста в среду по обычаю древнему здешние женщины пекут из муки кресты, заполненные разными вещами как то: иглами, копейками или другими деньгами, крестиками, кольцами и проч. Напекши таким образом довольное число крестов, женщины во время стола дают выбирать каждому семьянину любой крест; причем они делают своего рода умозаключения, именно: кому достанется печеный крест с копейкою, тому предвещает богатство и счастье; кто возьмет крест с иглою, тот будет, по их понятию, портным; кто в своем кресте найдет крестик, тот, думают, когда-нибудь будет или попом или монахом в проч.»³⁹.

Описывая Пасхальную традицию, собиратели XIX в. выделяют, по-видимому, то, что было особенно значимо для крестьян: уборка домов для встречи иконы, освящение зерна для посева, сбор яиц детьми, катание яиц. «Перед праздником св. Пасхи убирают в домах и обмывают в избах своих всё внутри. Это делают для того, чтобы икону Богородицы на пасху принять в чистый дом как святыню»⁴⁰. «На святыню Пасху священник с причтом ходит совершать молебны, у каждого крестьянина в переднем углу поставлены кадочки с зерновым хлебом; в кадочках поставлены святые иконы; в пору посева эти освященные семена, смешанные с прочим зерном, вывозятся на пашни и сеются»⁴¹. «На Пасху дети ходят по родным и знакомым собирать яйца. Придя в дом, они христосуются, им дают по одному яйцу, впрочем, большею частью не христосуются, а просто придут и стоят у двери. Конечно, каждый знает, за чем пришли. Это собиранье яиц происходит только на первый день»⁴².

Особенно тщательно, подробно описывается традиция катания яиц. «На святыню неделю, особенно в хорошее, ведреное время, крестьянки имеют обыкновение катать яйца. Эта игра почти общепринятая везде в крестьянском быту играется всегда одинаким образом: сначала желающие участвовать в ней ставят по одному красному яйцу на кон; потом по очереди, отходя шагов на двадцать, каждая берет большой, сшитый из сукна или из тряпицы мяч и катит им в то место, где стоят яйца, если сшибет, то яйцо должно принадлежать ей, если же нет, то

³⁵ Зерновский Н. Встреча детьми святок, нового года и весны в деревне. (Записано в Карсунском уезде).

³⁶ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

³⁷ Там же.

³⁸ Роздин Т.П. Праздники.

³⁹ Орлов Д. Село Большие Березники.

⁴⁰ Ховрин Н. Статистическое описание прихода села Суринаского Сенгилеевского уезда // ГАУО. Ф. 134. Оп. 9. Е.х. 15. Л. 15.

⁴¹ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

⁴² Роздин Т.П. Праздники.

принадлежит кону; это продолжается до тех пор, когда все они будут выкатаны»⁴³.

Этот же собиратель, указывая на традицию звонить на колокольне на Пасху, уточняет, что делали это, как правило, в ненастную погоду, когда нельзя было катать яйца. «Если время ненастное и препятствует таковой игре, то они ходят группами по колокольням звонить в колокола и любоваться предместиями города сверху, их обыкновенно сопровождают толпы молодых ребят»⁴⁴.

Начиная с великого четверга в Карсунском уезде «некоторые покупают большие белого воска свечи и ходят в церковь; при чтении 19-ти евангелий от горящей свечи отделяют 19 шариков, которые тщательно берегут, веря, что ими можно вылечить от лихорадки»⁴⁵.

Красная горка отмечена только в одной публикации и исключительно как традиционное время начала хороводов. «Хороводы начинаются с красной горки, то есть с первого воскресенья после святой недели и продолжаются во всю весну до заговенья пред Петровым постом. Вечером, после ужина крестьянские девушки и молодые парни собираются из всех улиц к одному какому-нибудь дому в кружок, играют в различные игры; например: в горелки, рябыми, слепой сковородой, колышками, и тому подобное, наигравшись досыта, начинают петь хороводные, веселые песни и в заключение пляшут под гармонию или балалайку. Таким образом нередко хоровод продолжается во всю ночь; пред светом расходятся по домам»⁴⁶.

После таких достаточно кратких и фрагментарных описаний календарной обрядности особенно выделяются статьи, посвященные семицкой и троицкой обрядности. В них не только подробно описываются основные обрядовые акты, но и приводятся соответствующие песни, некоторые из которых – весьма редкие варианты. Наиболее полное описание обрядовой стороны семика дано в рукописи П. Варламова, в которой он представляет традицию с. Еделево Буинского уезда. «Праздник Семик, или иначе называемый канун троицына дня, день увеселения и пиршества, совершается следующим образом. Задолго до семика девушки села Еделево, желающие провести наступающий праздник торжественно, собираются в особенное, на этот случай приготовленное место, которым обыкновенно избирается какое-нибудь отдаленное холодное строение, мало посещаемое хозяевами, или дом, в котором живет очень малочисленное семейство, или дальний огород. Девушки в этом месте уговариваются, как повеселее провести самый праздник. По окончании уговора, они из круга своего избирают девицу, которая получает в этом случае название “глашатай”. На эту девицу возлагается обязанность возвестить всем, изъявившим желание участвовать в Семике, о наступающем торжестве и празднике. Избрание в глашатай производится по жребию, и та девица, на которую падает жребий, по их мнению, считается самою счастливою из девиц. Эта-то глашатай или вестница вследствие возложенной на нее обязанности в день праздника с раннего утра ходит по окнам своих подруг и возвещает о наступающем дне следующими словами: “Троица по улице, Семик по задам”. Вместе с тем она приглашает к наступающему торжеству каждую подругу, и это делается до тех пор, когда обойдет с приглашением всех их. Для торжества девицы, смотря по достатку, готовят различные яства, как то: делают яичницы, пекут лепешки, яйца и проч., припасают наряды, словом, запасаются всем необходимым для полного веселья. Приготовив все нужное для празднества, они по восходе солнца толпою отправляются в ближайшую рощу. При этом должно заметить, что та, которая возвещала о наступившем торжестве, наряжается в мужское платье и идет впереди своих подруг. Этим означает и должность ее и вместе будущая распорядительность. При выходе из села, девицы поют опять

⁴³ Байсунин И. Заметки о жителях Корсунского уезда Симбирской губернии.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

⁴⁶ Байсунин И. Заметки о жителях Корсунского уезда Симбирской губернии.

помянутые слова: “Троица по улице, Семик по задам”. В роще они выбирают самую зеленую, “листвянистую”, как здесь говорят, березу, срывают с нее самый кудрявый куст и украшают его разноцветными лентами. После чего замаскированная в мужское платье девица берет этот куст и становится с ним на середине круга, образуемого другими девицами. Причем все девицы начинают петь следующую песню.

Как из улицы в конец
Прошел удалый молодец.
Ой, Дунай ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!

Как и звали молодца,
Вызывали молодца.
Как во пир пировать,
Во беседушку сидеть.
Посадили молодца
Против вдовы на скамье.
Молодец к шляпе челом,
С него шляпынька долой.
Уж ты, вдовушка, подай,
Чернобровая подай.
Не слуга, сударь, твоя,
Не послушаюсь тебя.

После песни девицы разделяются на хоромы и поют песни до самого позднего обеда. Потом сходятся все в кружки и все, что изготовлено было ими в доме, начинают есть. За обедом ничего особенного нет, все они едят скромно. По окончании обеда, взаимно поблагодарив друг друга, идут к развесистой березе, срывают с нее венки и их убирают венками. Когда окончат венки, тогда все опять собираются в кружок и поют песню.

Уж ты вьюн ли мой, ты вьюночек,
В саду розовый цветочек,
Мне куда тебя, вьюночка, положить?
Положу тебя, вьюночек, на головку,
Ко душе милой девице,
Ко названной сестрице.

Пропев эту песню, девицы все кладут венки на головы и с песнями отправляются в село. В селе они прямо идут к реке, держа венки уже в руках. Достигши моста, устроенного на реке Ирусалимке, они становятся на нем и бросают с него венки с зажмуренными глазами. При этом каждая следит за своим венком и выводит следующее заключение: тот венок, который потонет, предвещает близкую кончину, но венок, который поплывет и поплывет противу течения, означает добрую будущую судьбу и долговременную жизнь. После этого они еще водят хоромы и поют песни. Этим и оканчивается Семик»⁴⁷.

Не менее интересна обрядовыми элементами и песней публикация, отражающая традицию с. Тетюши. «В с. Тетюши, как и повсюду в нашем уезде, девицы ходят пред Троицыным днем в семик в лес завивать венки; процессия эта сопровождается здесь песнею следующего содержания:

Уж ты вен ты мой веночек,
В саду розовый цветочек;
Мне куда тебя веночек положить?

---

⁴⁷ Варламов П. Семик и как его празднуют. // Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1520.

Положу тебя, веночек, на головку,
К душе ли красной девице,
К названной сестрице.
Что не брат с сестрой сходилися,
Среди темного леса становилися,
Золотым кольцом переменялися.
Уж и ты мне не брат,
Да и я тебе не сестра,
Где сойдемся,
Все поклонимся,
Разойдемся,
Распростимся,
Поцелуемся.

По окончанию этой песни оставляют связанные венки в роще на местах на дереве до Троицына дня, в этот же день к вечеру все девицы и молодые женщины, разделившись на две партии, вновь отправляются в лес провожать весну и развивать венки, откуда возвращаясь с песнями, проходя село из конца в конец, отправляются в ржаное поле, где и бросают свои венки, чем у них обыкновенно и оканчивается весна, а с нею и все весенние увеселения со своими хороводами, почему в летние праздничные дни редко уже где в селе раздаются веселые девичьи песни»⁴⁸.

В с. Подъячевка, как отмечает собиратель, основное действие на Семик называлось кумлением, причем в нем принимали участие не только девушки, но и женщины. «В четвертой пред Троицей неделе, называемой Семик, женщины и девицы ходят с песнями в пролесок завивают венки и кумятся, т.е. целуются и оставляют венки на ветвях до Троицы и тогда опять ходят в тот же пролесок с песнями, соберут венки и с приветствием целуются. Приходят в село и бросают венки в воду и отмечают, если поплывет, тот де умрет или выдет замуж тот год»⁴⁹.

В одной из публикаций, в отличие от предшествующих, основное внимание уделено не обрядовым актам, а песням, но при этом они даны в достаточно подробном обрядовом контексте.

«IV.

Эту песню поют в то время, когда идут в лес завивать из молодых березовых ветвей венки, и когда по свитии приходят с ними домой, бросают их в текущую реку. Река, в которую они бросают венки, образует, по их мнению, реку Дунай, куда в древности предки наши язычники сходились в весеннее время, для принесения ей жертвы; и смотря по тому если веночек поплывет по воде, то заключают, что владелице его прожить этот год, а если напротив потонет, то умереть. Песня, изображающая этот обряд следующая:

(Семик да Троица.)
Красны девицы под березки ходили,
По веночку совивали,
На головки надевали.
Ой люли, ой люли!
На Дунай выходили,
По веночку скидали,
В Дунай бросали,
Песенки запедали:

---

⁴⁸ Фон-Гребнер В. Село Тетюши: Этнографический очерк.

⁴⁹ Клировский Г. Из села Подъячевки сведения // ГАУО. Ф. 134. Оп. 9. Е.х. 15. Л. 33-33об.

Тонет ли, не тонет ли
Мой зеленый веночек?
Тужит ли, не тужит ли мой дружок?
Знать мой веночек потонул,
Знать меня милый вспомянул.
Знать мой веночек уплывает;
Знать мой веночек пал на дно.
Нас с милым знать за одно –
На смерть собирает.
Красны девицы под березки ходили,
По веночку совивали,
На головки надевали.
Ой люли, ой люли.

Следующая песня поется, когда девицы уходят в лес под березки. Сходя со двора, девицы приговаривают:

Собирались красны девушки
Со двора широкого.
Ой ю лиле.
Выходили красны девушки
За ворота на улицу.
Ой ю лиле.
Подошли к горе ко кручи.
Под горой-горой, под кручею
Ой ю лиле.
Стоял полон колодец воды.
Ту девки воду черпали
Ой ю лиле.
Кои ковшем, кои чарочкой,
Кои чарочкой, кои стаканчиком.
Ой ю лиле.
Не бушуйте вы ветры буйные⁵⁰ —
Не раскачайте звонки колоколы,
Не разбудите у попа жену.
Она вечер поздно из пиру пришла
Ой ю лиле.
А по утру рано сына родила.
Заставляла качать
Девятерых качальщиков.
Сама она десятая.
Ой ю лиле.
Когда подходят к околице селенья, девицы поют:
У ворот, ворот – завитых ворот:
В те врата, да не рыба шла,
Тут шла прошла Елпидифоровна;
Она в три толпы челом била,
Ой ю лиле!

---

⁵⁰ «Следующие пять строчек поют, когда подходят к церкви».

А в четвертую,
В той толпе мой лютой свекор,
Мой лютой свекор и злопамятный.
Ой ю лиле!

Здесь кстати также упомянуть и о тех хороводных песнях, которые поются при встрече весны; например:

Песня – Ладо-Тай и Ди.
Тай, тай-аной, ладо!!
Я основушку сную,
Переметы кладу;
У нас в торгу
Кличь кликали:
Что дорого, что дешево?
У нас дорогим дороги
Красны девушки;
Дешевым дешевы—
Добры молодцы;
Одна девушка во сто рублей,
А друга девушка в тысячу,
А третьей девушке цены-то нет.
А по семи молодцов,
На овсяный блин,
А восьмой-то молодец,
На придачу пошел,
А девятый молодец,
В кошевары пошел,
А десятый молодец,
На придачу пошел.

Ди-Ладо.

Ди-ди Ладо!
Дунай речка пьяна—
Что пила князя (?)
Царя Константина;
Его жена Марья
По берегу ходит;
Она голосом вопит;
Свекровь злу унимает:
- Не плачь, не плачь, Марья!
У тебя ладо (муж) будет;
У меня сына не будет —
Царя Константина...
Да свет ягода красна, —
Земляничка красна;
Почему она красна?
Во сыром бору росла.
Свет и Аннушка ушла;

Свет и Павловна ушла;
Почему она ушла?
Свет у бабушки росла.

Тон этой песни элегической-радостно-плачевный и уныло томный. В продолжении начальной этой песни молодые девки и бабы обыкновенно сажают в виде кружка маленьких девочек или парней и ходят вокруг них, чтобы выразить этим как снуется основа. Парни и девушки схватываются между собою за руки и один или одна из играющих стараются проскользнуть во круг.

Заплетайся плетень,
Золотая труба завивайся.
Из-за города девица ходила,
Гусей гоняла;
Тига, тига гуси домой;
Тига, серые, домой!
Я сама гуськом;
Я сама сереньким,
Уж я старым стариком
Кисель с молоком,
Старым бабам каши с маслом;
Молодым молодкам
Шелковую плетку;
А красным девицам –
Белил да румян...
Расплетайте плетень,
Золотая труба развивайся!..

При пении этой песни девки схватываются между собою рука за руку и кружатся до тех пор, пока каждая из схватившихся не сделает полного круга. Смотри по тому, сколько раз повторяются слова: станьте вы так! – столько и сделают кругов. Она поется так:

При горе мак,
При зеленой мак.
Станьте вы так!
Моя была маковычка,
Золотая головычка,
Тот был мак, –
Сеять было так,
Станьте вы так.
Мы спросим ребят:
Всходит что ль наш мак?
Ставьте вы так!
При горе мак,
При зеленой мак.
Мы спросим ребят:
Не пора ли полоть мак?
Станьте вы так!
Мы спросим ребят:
Не поспел ли уж наш мак?
При горе мак,
При зеленой мак. –

Моя была маковычка,
Золотая на ней головычка.
При горе мак,
При зеленой мак;
Станьте вы так!
Мы спросим ребят:
Не пора ли трясти мак?

На эти последние слова все играющие отвечают и кричат: пора, пора! – и друг друга, кого кто успеет, начинают теребить, а догадливые, видя, что песня подходит уже к концу, заблаговременно разбегаются»⁵¹.

Весьма необычная для региона традиция зафиксирована в Карсунском уезде: «На семик мужики заставляют ребятшек драться, чтобы летом родилась хорошая пшеница»⁵².

На Троицу, как это было и в других местах России, жилища украшали зеленью, преимущественно березками, что в некоторых селах Карсунского уезда вызывало негативную реакцию властей. «На Троицу прежде было обыкновение украшать жилища зелеными березками, но теперь, по благоразумному распоряжению начальства, истребление березок прекращено»⁵³.

В с. Большие Березники именно на Троицу, а не на Семик, девушки ходили завивать венки и гадать по ним, бросая в реку. «В день Троицын девицы сходятся в назначенное для сбора место после обедни и готовят разного рода закуски. Потом, выстроившись в длинный ряд, они с песнями отправляются чрез большой мост в соседнюю березовую рощу. Здесь они плетут и завивают из молодых мягких ветвей венки и украшают ими головы. В этом уборе они проводят целый день в роще. Возвратясь в дома в вечерние время, они все останавливаются на мосту, снимают с голов венки и бросают их в реку, что значит по-ихнему проводить весну, а вместе с нею и все любимые забавы и увеселения, потому что отселе они уже обрекают себя на пору рабочую и труды будущие»⁵⁴.

Существовала в некоторых селах, и традиция на Троицу устраивать своеобразный смотр невест. «На Троицу у нас почти все население кроме старых обирается на горку, так называется возвышенная местность в одной части села. Здесь девки водят хоробы, кружатся, поют песни; наряжены в лучшие наряды, в венках из искусственных цветов. Пожилые люди и парни только смотрят на них. Родители женихов здесь высматривают невест. Не всякая девка решается встать в круг, потому что нужно хорошо уметь держать себя так, как нравится зрителям. Здесь каждый шаг девки критикуется. Подняла ли девка слишком голову, грудь, идет ли она поступью величавой — назовут ее “гордячкой”, “барским конем”. Если держит себя не совсем свободно, потому что стесняется — назовут ее “чумичкой”»⁵⁵.

Уделили внимания собирателя и обрядам, завершающим весенне-летний цикл. Так, на Заговенье в с. Подъячевка, устраивались проводы весны, которые включали в себя ряженье, исполнение песен, принесение снопа в дом. «А потом после Троицы в день Заговенья провожают весну тоже с песнями, наряжают из среды себя в нарядное женское платье и кокошник и в мужское платье и ходят с песнями в поле и там пляшут и резвятся, потом возвращаются в село и несут с собой сноп хлеба с песнями и плясками со знаком тем, что

⁵¹ [Б.а.] Гаданья на Васильев вечер. (Записано в Ардатовском уезде.) // Симбирский сборник. Т. II. Симбирск, 1870. С. 31-36.

⁵² Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Орлов Д. Село Большие Березники.

⁵⁵ Роздин Т.П. Праздники.

приближается жнитво»⁵⁶. О традиции провожать весну в Симбирской губернии писал еще И.П. Сахаров. «В селениях Симбирской и Костромской губерний поселяне наряжались в оборванные старые платья и представляли из себя хромых увечных калек, слепых попрошаек. Девыцы приготавливали соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телеги без передних колес, связывали их одна с другою веревками в виде гуська и впрягали лошадей. Потом начинался поезд от одного конца селения до другого. На передней телеге помещалась старуха и держала на коленях чучело. После поезда разыгрывались хороводы. Вечером с песнями отправлялись к реке и бросали чучело в воду»⁵⁷.

Зафиксировали собиратели и такой весьма архаический уже для XIX в. обряд, как похороны Костромы. Подробное его описание дал И.П. Сахаров. «Народное празднование Костромы в селениях Пензенской и Симбирской губерний отправлялось в понедельник, а в Муромском уезде — в воскресенье. Местные обряды сего празднества имеют свои отличия. Замечательно, что в наших письменных памятниках не находим верования в Кострому. Страннее всего, что в городе Костроме это празднество совершенно неизвестно.

В селениях Пензенской и Симбирской губерний собираются девыцы в простых платьях, в назначенное место. Здесь они выбирают из среды себя одну девыцу и называют ее Костромой. Отделившись от всех подруг, Кострома стоит с потупленной головой. Другие девыцы подходят к ней с поклонами, кладут ее на доску и с песнями относят на реку. На берегу пробуждают Кострому и поднимают за руки. После сего начинается купанье: здесь девыцы купают друг дружку. Старшая из них сгибает из лубка лукошко и бьет в него, как в барабан. Девыцы выходят из воды и отправляются домой. В новых, праздничных платьях выходят на улицу и доканчивают день в хороводах и играх»⁵⁸.

Зафиксирована была на территории Симбирской губернии и традиция проводов русалки. Описание обряда, сделанное в Ардатовском уезде, не только раскрывает, как ее изготавливали, какие действия совершали с нею, но включает и песни, исполняемые во время обряда. «Обычай провожать так называемую русалку.

Обряд этот совершается крестьянами обыкновенно по окончании весны в неделю всех святых; с ним они соединяют прощание с веселою весною.

Лишь только день начнет склоняться к вечеру, затейливые молодые парни и мужики принимаются за “русалку”, их потому и называют русальщиками. Они берут липовую лутошку длиною аршина 2 ¹/₂ с рожками на конце, надевают на нее головную лошадиную кость. Потом палку эту обвивают пологом, вытканым из толстой пряжи, перевязывают около рожков веревкою; потом привешивают к ней небольшой колокольчик или гремушку. Часов в 7 или 8 пополудни целые хороводы девушек, баб, парней и мужиков собираются по уговору к одному двору и здесь начинается праздник: они разделяются на несколько разрядов, одни поют песни, другие пляшут, некоторые играют на балалайках и проч. Этот праздник бывает для них как бы последним приветствием весне. После того все собрание медленным шагом начинает подвигаться вдоль села, обыкновенно к околице, с теми же песнями и пляскою. Русальщики идут впереди, держа покрытую пологом лошадиную голову, за ними следуют скачущие испачканные сажею парни; их называют помелешниками и кочерешниками и бьют длинными кнутами русалок, побуждая их идти веселее и бодрее, эти-то помелешники и кочерешники как бы охраняют главных русальщиков, и между тем бегают за малыми ребятами, пугая их и приговаривая: “не станете ли просить молока?” Видя безобразные и испачканные лица, мальчики бегут от них, куда кто успеет, и прячутся.

Продолжая таким образом идти, русальщики в сопровождении своей свиты достигают

⁵⁶ Клировский Г. Из села Подъячевки сведения.

⁵⁷ Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. Ч. 2. СПб., 1885. С. 215.

⁵⁸ Там же. С. 207-208.

наконец конца селения и переступают за околицу. Охраняющие русальщиков в один раз делают несколько холостых выстрелов из ружий, потом несколько смелых девок или баб с обоих концов берут в руки лутошки, *по которым ходят* (курсив мой – ММГ) (так!) две или три удалые девки, пляшут и скачут взад и вперед. Это делается у них в знак особенной чести, оказываемой ими провожаемой русалке. Наконец приступают к снятию пологов, бросают в знак погребения русалки лошадиные головы в яму, в которой они и валяются до будущей весны. Таким образом оканчивается провожание русалки, измучившиеся русальщики вместе с народом уже в тишине возвращаются домой.

Песни хороводные, которые поются при провожании русалки.

I

Во лужах, лужах,
Во зеленых лужах
Выпою выкормлю
Коня ворона;
Поведу я коня к бабушке.
- Ты прими, бабушка,
Прими коня ворона;
Полюби слово приветливое,
Не отдай меня замуж за старого;
Старый муж не ровня мне,
Уж я старого на смерть не люблю,
Я со старым гулять не пойду.
Во лужах, лужах –
Зеленых лужах.
Не отдавай меня замуж за малого,
Отдай меня за муж за ровнюшку,
Я ровнюшку по смерти люблю,
С ровнюшкой гулять пойду.

II

Лугом, лугом зеленым
Ехала коляска,
В коляске девица
Вдвое-трое плакала,
На свой перстень глядя.
“Что ты, перстень потускнел?”
Да за то я потускнел,
Что быть девице за старым,
Старому перстень не износить,
Мою красу не искрасити.
Лугом, лугом зеленым
Ехала коляска;
В коляске девица, –
Она ехала, плясала и скакала,
На свой перстень глядя.
“Перстень, перстень, перстенек!
Ништо, перстень, светел стал?”

За то-то я светел стал,
Что быть девке за ровней.
Ровне перстень износить,
Мою красу не прожить.

Ш.

Как по мосту, мосту,
По калинову мосточку
Шли, прошли девицы –
Две родные сестрицы, –
В руках несут фонарчик
В фонаречке уголечек,
На калиновый мосточек.
Загорелся калин мостик.
Он горит выгорает,
У молодца сердце ноет-унывает
По душе – красной девице,
По названной по сестрице....
А я вечер красна девка
Поздно вечером сидела,
Всю лучину присветила,
Сальны свечи притопила,
Подруженек притомила,
Притомивши, накормила,
Накормивши, спать положила.
А сама села середь лавки, под окошко,
Ждала дружка, поджидала.
Насилу я дождалася,
На шеюшку бросилася....
- Ох ты, миленький дружочек!
Размалиновый душечик!
Ходи ко мне в гости почаще,
Изюму ради думы, (?)
Винограду ради взгляду (?)»⁵⁹.

Из других обрядов наиболее полно представлена традиция Кузьминок. «Осенью 1-го ноября в день Козьмы и Дамиана бывает трехдневное веселье; за день или за два до наступления Кузьминок в каждом доме, где есть взрослая девушка, варят брагу и во все дни праздника по вечерам и ночам разряженные девушки гурьбами ходят из одного дома в другой в гости к своим подругам с весельем и песнями, их обыкновенно сопровождает молодежь с известными музыкальными орудиями; толпа пришедших, входя в дом, и выпив по ковшу браги, начинает различные игры, например: в свои соседи, в цвета, – один цвет хорош, а другой нехорош, в лычко или веревочку и тому подобное, потом пляшут часа два или три; и в заключение выпив опять по ковшу браги, все выходят и отправляются в другой дом. Таким образом обходят и прочие»⁶⁰.

На этом собственно завершается описание календарных обрядов Симбирской губернии

---

⁵⁹ [Б.а.] Гаданья на Васильев вечер.

⁶⁰ Байсунин И. Заметки о жителях Корсунского уезда Симбирской губернии.

и только в некоторых публикациях и архивных рукописях называются отдельные даты крестьянского календаря и отмечаются поверия и представления, связанные с ними. Так Ильин день характеризуется таким традиционным поверием, что «вода холодеет, будто оттого, что олень окунет в воду рога»⁶¹. Название праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи *Иван постный* объясняется, тем, что «постятся все, скоромной пищи никто не ест»⁶². День малого Спаса (1 августа), «называется еще мокрым Спасом», на него совершается «крестный ход на родник», а «после молебна освященной водой священник кропит весь скот, который пригоняется к роднику, в некоторых селениях только лошадей»⁶³. Ярило – это «понедельник первой недели Петрова поста» и на него «молодые люди обливаются водой»⁶⁴.

Завершая краткое рассмотрение календарной обрядовой традиции на территории Симбирской губернии по записям XIX в. можно сделать выводы, совпадающие с выводами исследователей, рассмотревших такую же традицию соседнего региона – Республики Татарстан. В частности, они писали: «Изучение русских народных праздников и традиционной обрядности на территории Казанского Поволжья свидетельствует об их аналогии с праздничной обрядностью русского народа в других районах его обитания и особенно в верхневолжских и центрально-русских областях. Вместе с тем анализ содержания и назначения обрядовых действий во время праздников в различных районах края позволяет выявить некоторые особенности, которые проявляются в пестроте и разнообразии праздничных обрядовых действий в отдельных районах и даже селах Казанского Поволжья, в несовпадении времени их проведения и т.п. Это еще раз подтверждает сложность истории формирования русского населения в Среднем Поволжье»⁶⁵.

---

⁶¹ Дмитриев А. Народные приметы, суеверия и разные обычаи и обыкновения жителей Карсунского уезда.

⁶² Роздин Т.П. Праздники

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1973. С. 88.

Публикации по традиционной культуре и фольклору Симбирской губернии в дореволюционных изданиях

В. Фон-Грейнер. Село Тетюши. Этнографический очерк // Симбирский сборник. Т. II. Симбирск, 1870. С. 38-46.

Село Тетюши не вешай уши – говорит местная пословица, служащая достаточною характеристикой этого села, которое своими оригинальными промыслами конечно принадлежит к одному из самых замечательных селений Ардатовского уезда, а потому считаю не излишним сообщить о нем некоторые более подробные сведения, ибо редкий местный житель не сумеет рассказать какой-нибудь занимательный эпизод из обыденной жизни этого села, состоящего из 526 душ русского населения, живущего в 150 домах и причисленных по последнему распределению волостей к Козловской волости Ардатовского уезда.

О происхождении села Тетюш, древность которого возводят с небольшим за 200 лет, существуют различные предания. Одни называют первоселенцем его мордвина Кечуша, от которого, как полагают, нынешнее село и получило свое название, но такое предположение вряд ли правдоподобно, потому что настоящее население его исключительно русское, в котором и нет никакой тени мордовского прототипа. Другие же полагают, что село это уже с самого основания своего населялось русскими, что конечно гораздо вероятнее.

С. Тетюши, посредине которого протекает небольшая речка Бутырка, разделяющая его на две ровные части, расположено на большом Саранском коммерческом тракте, идущем от г. Алатыря до г. Саранска, и отстоит от г. Ардатова в 30-ти верстах.

Так как поземельный надел жителей этого села весьма скуден, то и местное хлебопашество слишком недостаточно для прокормления их в течение года, а потому крестьяне с. Тетюш уже издавна вынуждены были приискивать для безбедного существования какой-нибудь более выгодный промысел и избрали карманничество и кошатничество. Какими путями сложился у них первый из означенных промыслов и давно ли он здесь существует, весьма трудно определить; доказательством же тому, что многие жители с. Тетюш и поныне промышленяют карманничеством и обманом, служит множество дел, производившихся и производящихся о Тетюшских крестьянах в наших судах. Искусство Тетюшских карманников или хлынов, переходящее по наследству из рода в род, успело повсюду заслужить громкую известность; карманники эти для достижения своей цели в случае неудачи не гоняются за тычком, получаемым при кулачной расправе, вообще предпочитаемой нашим простолюдином всякому судебному преследованию старинным порядком. Тетюшские хлыны, как и Скрыпинские коновалы не любят дома бездельничать, им нужна постоянная и прибыльная работа, для которой всякое народное сборище представляет обширное поле; с этой целью они переезжают с одной ярмарки на другую. Ими посещаются ярмарки: Нижегородская, Холуйская, Ростовская, Симбирская, Самарская и многие другие; даже Киев, Харьков и Ирбит не выходили из круга их деятельности; местные же ярмарки, базары и богомолья, в полном смысле слова, наводняются ими. Одетые, смотря по надобности, купцом, прикащиком, лакеем, крестьянином и т. под., они обыкновенно составляют воровские артели, действуя сообща, имея на сборищах в виду кошелек, бумажник и другие более ценные принадлежности оплошного хозяина. На ближайших ярмарках и базарах действуют они часто на одно с сидельцами питейных домов, где, прикидываясь пьяными, вытаскивают у простодушного подгулявшего крестьянина из кармана бумажник или кошелек, бросаемый ими тотчас с необыкновенною ловкостью за стойку, дабы в случае обыска при них ничего не нашли; причем однако же делёж с сидельцем питейного дома чрезвычайно похож на львиный, потому, что притом весьма редко получают более 1/5 или 1/10 части из общей добычи. На ярмарках и базарах карманники

играют обыкновенно еще в юлу; игру затевают целой шайкой; одни играют, другие распоряжаются карманами публики, обступающей обыкновенно игроков.

Этот промысел походит несколько на мошенничество скоморохов, упоминаемых в памятниках русской словесности допетровской эпохи. «Скоморохи люди вежливые, скоморохи очестливые», как говорится про них в старинных песнях, ходили целыми шайками по селениям; одна половина их входит в деревню, поет песни, пляшет и тем привлекает на улицу всё деревенское население. В это время другая половина отправляется по клетям и, пользуясь отсутствием хозяев, вытаскивает из клетей имущество.

К другому промыслу, который в последнее время стал брать верх над карманничеством, следует отнести кошатничество; этот промысел, в основании труд честный, здесь с каждым годом всё более и более развивается. Тетюшский кошатник собирает товар свой в окрестных селениях и, подходя к окну избы, обыкновенно выкликает: «нет ли дряни?» под таким названием закупают они: палых ягнят, телят, собак, кошек, шкур с палых лошадей, жеребят, коров, свиней и овец; а затем, если попадетсЯ и окажется по карману, приобретает он шкуру с убитого волка, зайца, хорька, лисы, норки, горностая и т. д.; набирает он также щетину и овечью шерсть, сбывая весь набранный в течение недели товар свой на собственном базаре, издревле существующем в с. Тетюшах. Нелишним считаю здесь заметить, что с подобно набранным товаром Тетюшские кошатники часто заносят в село свое весьма опустошительную заразу, от которой иногда лишаются всякого скота. Для помянутой торговли некоторые из подобных промышленников отправляются в последних числах февраля даже за Волгу, откуда уже возвращаются к Троицко-Карсунской ярмарке, где и сбывают свой товар. Но к разряду подобных торговцев следует отнести более зажиточных, круг деятельности которых несравненно шире.

Еженедельный базар в с. Тетюшах бывает по понедельникам, а к первому понедельнику Петрова поста съезжаются сюда торговцы из довольно далеких мест, вследствие чего базар этот принимает характер ярмарки и по местному обычаю называется Ярилою; на нем всегда преобладает любимая нашими Ардатовскими жителями соленая рыба бешенка и ее икра.

Промышленных заведений, как-то: маслобоен и шерстобитен в настоящее время насчитывается в с. Тетюшах до 16, а ветряных мельниц 8.

Так как мы видели, что жители села Тетюш по малоземельности своей занимаются промыслами, требующими постоянных отлучек, то в течение большей части года, а в особенности в летнее время, редкий крестьянин остается при своей семье, разве только по необходимости, не имея кому предоставить обработку нескольких загонов пашни, вследствие чего здесь постоянно встречаются на улице в весенние праздники одни лишь ребятишки, девки, женщины, да небольшое число молодых парней. Мне рассказывали за достоверное, что не очень давно игра в ярмарку была любимой игрою ребятишек с. Тетюш. Описываю игру эту так: когда в теплые весенние дни праздные ребятишки собираются на улицу, человек до 20 и более, тогда обыкновенно является между ними охота играть в ярмарку; для чего один из них, который побойчее и смысленнее, выступая вперед, обращается к товарищам, говоря:

- Давай, ребята, в ярмарку играть!
- Давай! Давай! Давай! раздается со всех сторон ему.
- Ну, ребята, командует он вновь, конись, кому быть маткой, выбирай сотников, промышленников, а ты, Федька, будь становой.
- Нет, Федька не сможет, он и намеднись не смог, я получше, я позлее его, я знаю, как с этим мошенником обойтись, возражает бойкий курносый мальчишка из толпы.
- Нет, врет он, он еще не был становым, давай кониться, отвечает на это обиженный Федька и по жребью очередь быть становым достается Федьке.

В промышленники и их матку выбирают всегда самых ловких и увертливых ребят,

остальные ребяташки, за исключением из них сотских, составляющих команду станového, группируют из себя ярмарочный народ, из которых одни представляют купцов, другие торгующих крестьян, третьи гуляк и т. д. Становой же Федька располагает с своей командой от них где-нибудь поодаль, за углом на завалине, где распределяет команду и дает им подробные наставления, как действовать на ярмарке.

Выбранные промышленники отправляются на мнимую ярмарку в толпу остальных ребяташек, у которых непременно в запасе в кармане или пазухе какая-нибудь вещица, щепка или камушек, долженствующий служить предметом похищения для искусного карманника— и тут уже начинается между ними состязание. Если избранному промышленнику не удастся похитить спрятанный предмет у кого-либо из остальных ребят, и он будет при этом пойман и изобличен, то его тотчас предадут в руки сотских, которые затем отводят к становому, а сей последний забирает его в кутузку, за неимением которой привязывает к завалине или оставляет под надзором. Если же избранному промышленнику ловко удастся похитить спрятанный у кого-либо из представителей народа предмет, то сей последний обыкновенно подвергается за оплошность свою побоям товарищей. Подробное описание всех оттенков этой оригинальной игры, оставленной уже в последние годы, отвлекло бы от описания прочих забав, игр и обычаев жителей с. Тетюш, а потому перехожу к последним.

В весеннее время и праздничные дни молодежь этого села собирается на площадь; девицы играют в хороводы и поют песни, а молодые парни играют в карты, в козны или деньги.

<...>

В тихие и ясные зимние дни молодые парни и девицы часто собираются на площадь или к базарным лавкам петь песни, из которых любимая ими поется так:

Гулял Ваня при долине,
Он повырезал тростинки
Сам в зеленый сад гулять пошёл.
В саду красные девушки гуляли,
В глаза Ванюшку дружка ругали:
- Что ты Ваня долго не бывал?
- Ах вы красные девки,
Неразумные головки,
Мне не время было к вам придти.
В трактире Ванюша родился,
В славном Питере Ваня женился,
Брал мещанку замуж за себя.
- Мещанка – молода хозяйка,
Пойдем в поле со мной работать,
Ярово жнитво зажинать.
Вышел Ваня на крылечко,
Положил серпик на плечико,
Сам заплакал и слезми залился.
К полосынке Ванюша подходит,
К сырой земле припадает,
Сам не может в день снопа (повязать) нажать.
Предавался Ваня тоске и скуке,
Он обрезал свои белые руки,
Полилась из рук нежна кровь.
Мещаночка увидала,
Платком руки завязала,

Чтобы кровью Ваня не изошел.
Отец с матерью ужаснулись,
Работнички над ним насмехались,
Посылают Ванюшку домой.
Пошёл Ванюшка не весел,
Бубну головушку повесил.
Шёл Ваня торопился,
За дубовый стол садился,
Брал чернилицу в руки и перо.
Начал Ванюшка писать,
Деревенское житье проклинать:
Распроклятое деревенское житье,
Подлые мужичишки
Завидливы работать
И много хлеба засевать.
<...>

У тетюшских женщин есть обыкновение беречь с самой весны до сырной или масляной недели масло и яйца и несмотря на то, испорчены ли они или нет, поедают их в это время, следствием этого обыкновения бывает немало больных.

Тетюшские женщины почитают 12-ть больших пятниц; в эти дни они ничего уже не делают; а в особенности Ильинская пятница почитается ими вследствие того, что будто Св. Илья Пророк, разезжая во время грозы по небу на огненной колеснице, производя гром и молнию, в особенности поражает не почитающих Его пятницы громовую стрелою. 25 Марта, т.е. в день благовещения, почитается великим грехом приниматься за какую-либо работу или давать из дому чего-либо, даже милостыни в этот день не дают, считая его самым тяжелым; между ворами есть странное обыкновение в ночь на благовещение «заворовывать» т. е., производить опыты какого-либо воровства и если эти опыты окажутся удачными, то и во весь год промысел этот будет также удачен и наоборот. Обыкновение это существует однако же не между одними Тетюшскими жителями, а принято здесь повсеместно. В дни заговенья жители с. Тетюш тоже ничего не работают в том убеждении, что если кто-либо вздумает приняться за дело в такой важный день, то у него от этого заболят или отсохнут руки. На страстной неделе в четверг женщины имеют обыкновение метить скотину, как-то ягнят, телят, жеребят и проч., а иногда протыкают раскаленным шилом средину уха или кто как вздумает; это делают они в означенный день в том убеждении, что будто к меченой скотине не может уже прикоснуться никакой ни зверь, ни гад. Верят в домовых, и будто к могущему случиться несчастью, они стонут или плачут в подпечке или в переднем углу подпола и непременно басом: ух! ух! к худу! Во время перехода в новую избу домохозяйин просит домового идти с собой на жительство, а если же не попросит, то не будет водиться скотина и ни в чем не будет спорыньи. Из свадебных обрядов здесь замечателен следующий: когда перед браком приезжает поезд за невестою, тогда дружка входит в невестин дом с двухвосткою и стаканом пива, кладя туда копейку или две серебром или ассигнациями, подносит мальчику, родственнику невесты, который сидит рядом с нею в переднем углу в качестве продавца. Этот выпивает все до дна, берет деньги и прощается с невестою, причем невеста надрывается, плачет горькими слезами. После чего вводят уже жениха и сажают с невестою рядом, дружка же в это время получает от свахи блюдо с орешками из теста с пресной тонкой лепешкой или сочным, которые сперва подает отцу невесты с словами: «Сватушка батюшка, поведь, повыступь, свои ясны очи повыкажи, ножиньки с походом, рученьки с подносом, головушка с поклоном, мало-то прими, на большое-то не суди». Сват же, кланяясь, принимает такой лакомый гостинец, потом столько

же орешков и сочень дружка подносит с подобными же словами невестинной матери, и та также принимает их с поклонами, наконец дружка подает остальные орешки и сочьи девушкам, занимающим место на полатах и на печи с следующими словами: «Девушки, голубушки, красаушки, поведьте, повыступьте и проч.», и те хватают, кто сколько успеет, причем дело тут часто доходит чуть не до драки, после этого берут невесту и отправляются в церковь для венчания. Когда же жениха с невестой из церкви приведут в дом последнего, тогда бросают в них и в зрителей овес или ячмень для того, чтобы жили новобрачные богато и родился бы хлеб.

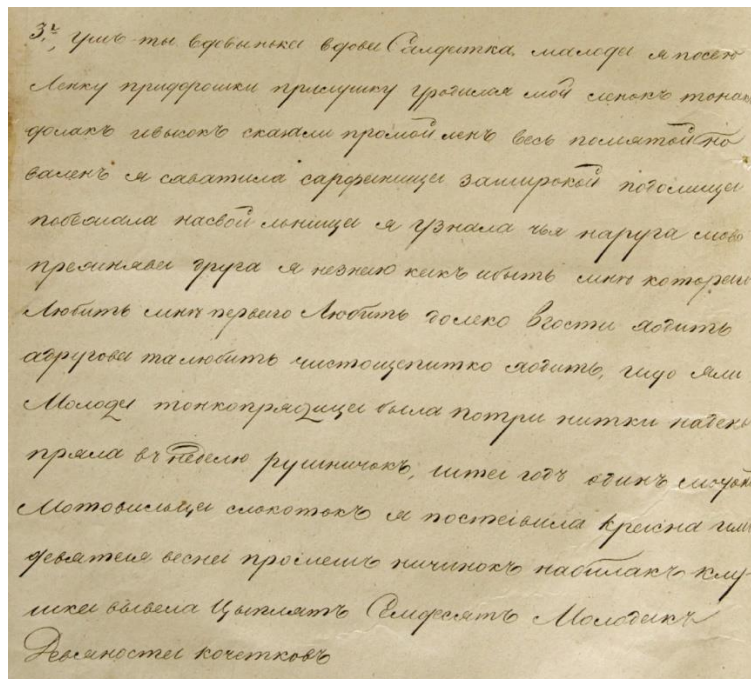
В заключение этого очерка считаю нужным заметить еще и то, что между жителями с. Тетюш как народа промышленного, гордого, смелого и бойкого, грамотность сильно развита, даже между женским полом встречается много грамотных, чему в особенности способствует духовенство.

Примеч. Статья перепечатывается с небольшими сокращениями. Выпущены места, где автор описывает календарные обряды и праздники, так как это материал вошел в предыдущую публикацию «М.Г. Матлин. От Святков до Кузьминок: русские народные календарные обряды Симбирской губернии по записям XIX века».

К печати подготовил М.Г. Матлин.

Публикации
записей русского фольклора

**Материалы из фондов Государственного архива
Ульяновской области**

«Уж ты, вдовынька, вдова»

Уж ты вдовынька, вдова,
Солдатка молода.
Я посею ленку
При дорожке, при лужку.
Уродился мой ленок
Тонок, долг и высок.
Сказали про мой лён –
Весь помятый, повалён.
Я схватила сарфаница*
За широкой подолица**.
Побежала на свой льница.
Я узнала, чья наруга –
Мово прежнего друга.
Я не знаю, как и быть:
Мне которого любить?

Мне прежнего любить –
Далеко в гости ходить.
А другого-то любить –
Чисто-щепетко ходить.
Еще я ли молода
Тонкопрядица была.
По три нитки на день пряла,
В неделю рушничок.
Што год – один моток,
Мотовильца с локоток.
Я поставила красна –
Им девятая весна.
Промеж ничинок набилак***
Клушка вывела цыплят–
Семьдесят молодок,
Девяносто кочетков.

Старинные народные приметы и песни // ГАУО. Ф.732. Оп. 2 ех. 500. Л. 4об.

*сарфаница – сарафан.

**подолица – подол.

***набилак – скорее всего описка или фонетическая запись, должно быть *набилок*. Как отмечено в Словаре русских народных говоров «набилка то же что набелка», обозначает «деталь ткацкого станка – подвижная, висячая, узкая рамка, в которую вставляли бердо» [Словарь русских народных говоров. Выпуск девятнадцатый. Мутаситься-Накучить. Ленинград: Наука. ЛО, 1983. С. 111, 115]. Зафиксировано это слово было и на территории Симбирской губернии [Там же. С. 116].

К печати подготовил М.Г. Матлин.

Материалы из архива НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова УлГПУ им. И.Н. Ульянова

**«Хитрый и Мудрый»
(Бытовая сказка)**

Жили-были два соседа – Хитрый и Мудрый, дверь в дверь, крыльцо в крыльцо. Жили оба бедно. И вот однажды наступили такие времена, что денег ни у Мудрого, ни у Хитрого не осталось ни копейки, даже хлеба нет. Однажды пошли Хитрый и Мудрый в лес за дровами и нашли сундук с деньгами, который разбойники приготовили себе, чтобы ночью унести. Хитрый и Мудрый обрадовались и стали делить деньги. Мудрый делит и приговаривает:

- Это тебе, Хитрый, это мне, Мудрому. Это тебе, Хитрый, это мне, Мудрому.

Так весь сундук и разделили пополам, кроме одной монеты – полкопейки.

Хитрый говорит Мудрому:

- Как же мы полкопейки разделим? Монетка-то одна!

Мудрый подумал-подумал и говорит Хитрому:

- Забирай себе пока. А как мне нужны будут деньги, я к тебе приду и заберу эти полкопейки.

Хитрый:

- Ладно!

Через какое-то время опять закончились деньги и у Мудрого, и у Хитрого. Тут Мудрый вспомнил, что Хитрый ему полкопейки должен и пошёл к нему. А Хитрый уж давно её потратил, ему самому детей нечем кормить. Мудрый стал каждый день приходиться к Хитрому и говорить: "Отдавай полкопейки!" И до такой степени допёк (замучил) Хитрого, что тот решил умереть и притворился умерши.

Жена плачет, побежала к соседям – к Мудрому:

- Помер Хитрый-то у меня! Ой, без кормильца остались!

Мудрый говорит ей:

- Ну что ж, давай я его обмою.

Налил Мудрый таз кипятка и стал мыть Хитрого. А Хитрому горячо, но всё равно терпит. Мудрый моет Хитрого и приговаривает: «Умирай ни умирай, а полкопейки отдавай! Умирай ни умирай, а полкопейки отдавай!»

Ну вот обмыли Хитрого, одели и отвезли в церковь на ночь, чтобы утром отпевать. А Мудрый заподозрил, что Хитрый не умер, а притворился. Пробрался Мудрый в церковь, спрятался там за самую большую икону и решил наблюдать за Хитрым. Мудрый за иконой сидит, Хитрый в гробу лежит, оба не шевелятся! Мудрый сидит да про себя приговаривает: «Умирай ни умирай, а полкопейки отдавай! Умирай ни умирай, а полкопейки отдавай!», так и задремал.

А тут к церкви подошли разбойники, чьи деньги Хитрый и Мудрый в лесу разделили. разбойники церковь захотели ограбить, сделали подкоп, и атаман говорит одному своему разбойнику:

- Вот тебе мешок, залазай в лаз и бери там всё: и иконы, и золото, и всё, что ценного найдёшь.

Разбойник залез в церковь, а тут из гроба приподнялся Хитрый и пальцем пригрозил. Разбойник испугался, бросил мешок, вылез и говорит атаману:

- Там покойник из гроба поднялся! Я туда не полезу!

Атаман послал другого разбойника, а Хитрый приподнялся из гроба ещё выше и тоже пригрозил пальцем. Разбойник испугался, бросил мешок, вылез из церкви и говорит атаману:

- Там покойник из гроба поднимается, пальцем грозит! Я туда больше не полезу!

Атаман стал кричать:

- Да чего вы испугались?! Я сейчас сам залезу, я никого не боюсь, у меня и ножи есть и пистолеты!

Полез атаман в лаз сам. Тут Хитрый приподнялся из гроба и как закричит во весь голос:

- Живые и мёртвые, помогите! Живые и мёртвые, помогите! Грабят, грабят!!!

Тут от такого крика проснулся Мудрый и вместе с иконой упал на пол! Атаман бросил свой мешок и вместе с остальными разбойниками убежал. И всё, что до этого награбили, тоже оставили со страха. А Мудрый с Хитрым опять разделили между собой разбойничьи деньги. Мудрый делит деньги и приговаривает:

- Это тебе, Хитрый, это мне, Мудрому. Это тебе, Хитрый, это - мне, Мудрому.

И опять у них полкопейки осталось. На этот раз решили, что Мудрый возьмёт эти полкопейки и теперь с Хитрым они в расчёте [2008 г.; с. Алакаевка Новоспасского района Ульяновской области; Зубкова О.А., 1965 г.р.; записала Зубкова М.А.; сказку информатор переняла от своей бабушки – Бобровой Клавдии Ивановны].

*Место хранения: Фольклорный архив НОЦ «Традиционная культура и фольклора Ульяновской области» УлГПУ им. И.Н. Ульянова.
Расшифровала и подготовила к печати А.Д. Ефимова.*

А.П. Липатова. Народные этиологические легенды

Легенды о земной жизни Христа распространены в славянской традиции [Белова 2004: 327-347; Кузнецова 2009: 5-13; Юрчук 2019: 94]

Нередко сюжетообразующим мотивом таких рассказов оказывается мотив неузнавания Иисуса Христа.

Рассказы о хождении Христа с апостолами по земле, как правило, сюжетные. Иисуса Христа во время своих земных странствий не узнают соплеменники. Они отказывают ему в приюте, еде, поскольку Христос является им в облике странника (нищего). Недостойное поведение человека по логике этиологических легенд не может остаться без наказания [Кабакова 2019: 95; Белова, Кабакова 2019(б): 421]. Отрицательный с точки зрения христианской морали поступок недалёковидного и непрозорливого человека оттеняет, как правило, поведение героя, готового прийти на помощь любому – даже нищему в «худой одежде».

Подобное встречаем в пересказе легенды «чудо на мельнице», зафиксированной А. Н. Афанасьевым [Афанасьев 2014: 60-61]: «Пришел однажды Христос в худой нищенской одежде к мельнику, стал просить у него милостыню. А мельник осерчал: «Ступай, ступай с Богом! Много вас таких ходит, всем не подашь!» А тут приехал мужик с мешком ржи, увидел нищего и говорит ему: «Подь сюды, я тебе дам». И отсыпал, почитай, с целую мерку ржи. А нищий все суму не убирает. Отсыпал еще с мерку, потом еще. «Ну и дурак!» – думает мельник, я за помол возьму, что же у мужика останется?». Ладно, дело сделано. Взял мельник рожь, стал молот, смотрит: сколько уж сыпит, а мука-то и не кончается! Что за диво! Зерна-то было с четверть, а муки намолось четвертей двадцать. А мужик-то и не нарадуется, не знает, куды и собирать-то!» [БАА, 07.12.1991. Зап. Н.А. Юриной в г. Сызрань Самарской обл.].

Как видно из примера, такое поведение всегда сполна вознаграждается. Показателен в данном контексте образ мельника, который в традиции, как правило, оценивается отрицательно [Белова, Кабакова 2019(а)].

Отрицательно оценивается и богач, который, несмотря на благосостояние, не принимает путника. Идея «богатый не оказывает помощи – бедный принимает нищего» проявляется в текстах явно.

«Ходил [Христос – Соб.] по земле с апостолами. 12 апостолов их было. Ходит. Ходит, значит, дорогой, стоит бочка золота на дороге. Он, апостол, говорит: «Господи! Бочка с золотом стоит Куды нам ее вот?». А да! Не так! Погоди, смешалось.

Сначала они идут проситься ночевать. Им надо ночевать, ночь [настигает]. Надо где-то ночевать. В село вошли. Вот подошли к большому дому. Кругом крашено. Просят под окошко ночевать: «Пустите, – говорят, – нас переночевать». А их 12 человек, и все в лаптях! А мужик глядит в окошко: «Да куды это я вас пуцу! Таких грязных, рваных!». А у него все под стеклом блестяще все: «Нет, говорит, не пуцу я вас ночевать. У нас вон вдовица есть на краю. Она всех пускает. У ней пятеро детей. Идите, она пустит вас».

Ну, оне, значит, пошли. Выпросились, она говорит: «У меня, – говорит, – миленькие.... Я бы вас пустила, да мне и накормить-то вас нечем. У меня ничего. У меня пять человек детей, и поесть нечего». Он говорит: «Да, ладно! У нас корочка есть – нам хватит все». Ну вот они корочку эту ели, и сами ели и ей наклали. На решета, на корзинку каку ли наваляли горбушек, ломтев ли, не знай чёво. Полно! «Вот, – говорят, – корми своих детков. И им хватит. И они поедят». Вот переночевали, пошли дальше.

Ну вот идут дальше, идут дорогой, полем. Бочка золотом стоит на дороге. Вот этот апостол [Петр – Соб.] говорит: «Господи! Бочка золота стоит. Куды нам ее?» – «Да, чай, куды! Богатому мужику, который нас не пустил ночевать. Ему утащите». А он говорит: «Господи!

Да он и так-то богатый, а мы ему бочку с золотом еще притащим, середь двора положим». А он, Христос, говорит: «Пусть-то порадуется еще больше, что у него бочка золота». Ну вот это к нему утром оне прикатили. Ну, там мужик встал, вышел во двор – бочка золота. Бочка стоит. Поглядел – золото! Ну, правильно, он рад, рад. Богатый, да еще ему откуда чево взялось-то.

Ну, ладно, оне так идут опять, идут. Волк воет – у господа бога просит пищу. Ну, вот, оне, значит, опять ему: «Господи! Волк вон пищу просит, есть хочет» – «А чево, – говорит, – куды я ево. Вон пусть пойдет ко вдовице, у которой мы ночевали, последнюю корову съест». Оне: «Господи! Да она больно бедна да пятеро детей. А ты посылаешь корову съест у ней последнюю».

Оне же ему все-таки вот калякают, что, мол, господи, рази можно: так пятеро детей, да и так бедненько она живет, волк последнюю корову съест. «А, не трог, – говорит, – поплачет еще!». Ну да волк тоже пошел, съел корову у вдовицы у этой. Послал господь! Все господь посылает нас на каждое дело. Что бы ни было, что бы ни случилось – господь посылает! Ну вот, значит, съел волк корову. Вдовица плачет. Поплакала, как же!»

Значит, вот этот захотел пить – Петр апостол: «Господи, – говорит, – как я пожить хочу!». А он говорит: «Да вот мы пойдем пойдем, тропинка попадется нам, и ты пойдешь этой тропинкой и напьешься». Ну, шли, шли. «Вот, – говорит, – тропинка. Иди ей». Он не дошел, а там влага, чад, смрад, кишмя червей. У! Невозможно! Минуты невозможно! И бежит обратно. «Ты что, – говорит, – больно скоро?» – «Господи, там невозможно пить! Там очень плохо. Там не только испить, даже минутку стоять и то невозможно, Господи!» – «Вот, – говорит, – это для этого мужчины богатого место. Ну и вот, значит, пойдем дальше. Еще попьешь, еще будет тропинка. Пойдешь дальше и попьешь».

Ну, вот шли, шли и дошли – опять тропинка. «Иди этой тропинкой теперьча. Тут ты напьешься». Ему за три минуты показалось, он три минуты только жил – пил воду. А он три года прожил.

Пришел обратно, вернулся к нему. Ему господь-то и говорит: «Ты чего, Петр апостол, долго был?» – «Ты что, говорит, Господи! Только 2-3 минуты, больше я не был!» – «Нет, ты три года пробыл». – «Господи, – говорит, – как там хорошо! Цветы, птички, а уж водичка-то: что ни пьешь, то хочется, что ни пьешь, то хочется». – «Нет, говорит, ты прожил три года». – «А мне показалось за три минуты». – «Это для этой вдовицы» [КЛП, 09.07.1989. Зап. М.Г. Матлиным].

Иисус Христос как демиург [Белова, Кабакова 2019(6): 420] может из четверти зерна сделать «четвертей двадцать», одной корочкой хлеба накормить путников (12 апостолов) и вдову с пятерыми детьми. Более того, Христос может замедлять время: 2-3 минуты превратить в более длительный период, один день – в год; развернуть время вспять: будучи тридцатилетним мужчиной, казаться собеседникам трехлетним мальчиком.

«Ходил Христос по земле, 12 апостолов с ним. Ну, ходил он, чудеса творил, чудеса, вот пошел, значит. Идет. Мужик сеет рожь осенью. Бежит он. Пацаном был молодым прямо. Ну, ему 30 лет, а он трехлетний как все равно. И говорит: «Нынче сеешь, а завтра приходи жать. «Мужичок» – назвал его.

Ну, и пошел дальше. Жиды его настигают, вот, настигают. Спрашивают: «Мужичок, ты не видел вот такого пацана? Мальчижечка маленький не шел тут?» – «Да шел, говорит, когда я рожь сеял. И он меня спросил: «Нынче сеешь, а завтра приезжай жать» – «О, – говорит, – Это он осенью пробежал. И сейчас осень. Это прошлый год он пробежал» – «Да, наверно».

Вот он это, значит, мужичок приехал домой. «Что это мне велели ехать жать?». Ну, взял да и говорит: «Поеду. Погляжу». Старуха там у него, семья. Он поехал, хватъ, и правда – готова рожь, жать. Ну он сожал.

Дальше, значит, его опять настигают опять жида. И вот сидит женщина. Раньше женщины сидели печку топили. И она держит ребеночка своо маленького на руках. Он всходит. Называет ее Иелуева мать. «Бросай, – говорит, – своо дитя в пламену огонь, а меня бери на пречисты руки. Ну, она так сделала. Бросила своо дитя в огненну пламя. И закрыват. А его взяла на пречисты руки.

Вот вбегают эти опять. Догоняют его жида. «Вот, говорят, – ты не видала никакого, вот как у тебя на руках сидит, пацана?» – «Да, чай, вбежал да прям в огонь кинулся». Ну, вот, значит, они: «А! Сгорел! Вот те святой! Вот те святой! Сгорел он».

Ну, сгорел – сгорел. Захлопали в ладоши. Ну, он [Христос – Соб.] говорит: «Открывай заслон». Она закрыла на заслон печь-то. «Открывай свой медный заслон, вынимай своо дитя».

Она открыла, а там в печи – цвяты, и он ходит по этим цвяточкам.

Это рассказывала мне мать моя. Ну, цвяточки сразу все повяли, все. И он убежал Иисус Христос» (КЛП, 09.07.1989. Зап. М.Г. Матлиным).

Как и в предыдущем тексте, качественные характеристики предмета, места меняются на противоположные: огонь в печи, угрожающий человеку смертью, превращается в прекрасные цветы, не несущие в себе никакой опасности.

Действия человека основаны либо на стопроцентной вере в Иисуса Христа, либо на ее отсутствии. Сюжет первых текстов строился на незнании Христа. И богач (мельник) и бедняк (вдова) не узнают в нищем Иисуса. Но только те герои, которые, не смотря на внешнюю оболочку человека (грязные бедные одежды), готовы ему помочь, оказываются победителями.

Персонажи легенды об Иисусе Христе и жидях, наоборот, узнают и признают необычную природу сакрального персонажа. Только вера в сверхнормальную природу Иисуса может заставить мать отправить своего ребенка в огонь. Жида же, в отличие от нее, в особость Христа не верят. Не случайно, рассказчики текста подчеркивают, что они смеются над святостью Иисуса, которая, как им кажется, не уберегла его от огня.

Мотив незнания Христа, который лежит в основе множества рассказов о его земной жизни, является сюжетообразующим. В рассмотренных текстах данный мотив реализуется по-разному. В первых двух нарративах герои не опознали в нищем Христа, но, несмотря на это, по-разному проявили свою природу. В последнем же тексте, наоборот, глубинное понимание того, что встречный является необычным человеком, помогает персонажам сделать правильный выбор.

Литература:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М.: Современные проблемы», 1914. С. 60–61.
2. Белова О.В., Кабакова Г.И.(а) Мельник // Восточнославянские этиологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Неолит, 2019. С. 224-225.
3. Белова О.В., Кабакова Г.И.(б) Христос // Восточнославянские этиологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Неолит, 2019. С. 420–422.
4. Кабакова Г.И. Гостеприимство/негостеприимство // Восточнославянские этиологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Неолит, 2019. С. 95-96.
5. Кузнецова В.С. Фольклорные версии легенд о библейских событиях и персонажах: источники и механизмы формирования // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 5-13.
6. «Легенды Псковской области: Монография. В 2 ч. Ч. 1: Народные христианские легенды, легенды-«былички»: Тексты. Комментарии. Исследование / Сост., встун. ст. и коммент. Л. А. Юрчук, подгот. текстов Л. А. Юрчук, И. В. Казаков. Псков: ЛОГОС, 2019. 360 с.
7. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой; Отв. ред. В. Я. Петрухин. М.: «Индрик», 2004. 576 с.

Сокращения:

БАА – Боркова Анна Александровна, 1928 г.р., родилась в г. Нижний Ломов Пензенская обл., 7 классов.

КЛП – Купряшова Лидия Петровна, 1917 г.р., род. в д. Камышенка Шигонского района Куйбышевской обл.

Место хранения: Фольклорный архив НОЦ «Традиционная культура и фольклора Ульяновской области» УлГПУ им. И.Н. Ульянова.

Современные записи

**«Охотник»
(Волшебная сказка)**

Жил был один охотник. Ходил он охотился, бил зайцев, жуляли, выпивали, гости у них были. А потом поймал живую птицу, жар...жар-птицу живую. Вот. Она заговорила человеческим голосом: «Не губи меня, охотничек, я буду...оставь меня живой, и я буду тебе несть золотые яички, вы будете продавать и очень хорошо будете жить». Оставил он её живую, стала яички золотые несть. Жена стала на базар таскать. Стала таскать на базар, продаёт дорого-золото. Она тада волос завилла, зубы поставила, полюбила директора. Када директора полюбила, муж узнал, стал ругаться. Они яно посадили в тюрьму. В тюрьму посадили, директор к ней перешел. Вот. У него собак мноно было, у этого охотника. Она ездит с ним, када поедить придет не варёна. «Найми мне няньку! Чтоб дома управляла всё и детей хлядела». Привели няньку. Этой няньке готовить всё, он ховорит: «Вот нужно жар-птицу зарезать». Директор ховорит: «И там хде-то царя будут выбирать, я съем сердце, а ты съешь печенки. Я буду царь, а ты помощник мой будешь. И будем больше получать». Вот. Нянька это всё слышала. Приказали ей зарезать, они уехали. Она зарезала, сварила и взяла старшему сыну отдала сердце, младшему печенки. А им это...Зарезала рябого кобеля старого и зарыла в похребе, как будто это...Вот. Она значиться накормила. Когда они приехали, она ховорит...это самое...ну директорша ховорит: «Чё ж ты? Шотовила?». – «Шотовила». Подаёт на стол. «А сердце хде?» – он ховорить. Она туды-сюды. «Есть хде сердце, печенки?». – «Да я детЯм отдала». Он ховорит, не ей сказал, а жене: «Чтоб порезала детей и поварила сердце, печенки».

- Ну сделаю, чё ж.

- А ты яму сделай в похребе и тада детей там зароешь, – приказывает.

Приказали. Она сказала сделает. Зарезала рябого кабеля, зарыла в похребе, сердце и печенки изжарила, а ребятишкам ховорить: «Уходите хде хлаза хлядят. Велели вас порезать за то, что вы съели, вы будете царями». Ну они ушли. Пошли, ребятишки, ишо маленькие были, нанялись к одному бохатому человеку овец стеречь. Тагда стярегут, а у няго мальчик ходит в школу. Они у него списывают там какими-то свинцовыми этими... карандашами на доске, там на базу спяты. Всё это они ребятишки эти учутся. Пошёл их в институт када мальчик, там они переписывают с него. Выучились эти ребята, стали большие и тада это...стали царя-то выбирать. Они знали, ребята, уж с совершенных лет. Поехали и они. Приехали директор с матерью, но они не знают, что они живые, дети-то. Вот. Пухают холубев. Холуби выбирают это...царя. Они так летят, летят холуби, да на детей. Он зашумел аж, директор: «Да вы неправильно пустили! Это так, ребятишки какие-то молодые стоят!» Как кобель кинется, это охотников-то кобель, на нём штаны изорвал. Яму так стыдно было, он побежал купил штаны. Пока того-сяго опять холубев пустили. Холуби облетели и обратно сели на ребятишек. Он обратно зашумел, опять эти собаки кидаются на него. Опять штаны порвали. Три раз это дело было и три раз сели холуби. «Ну тада чё ж вы, молодые-не молодые, заходите работайте». Ребята эти стали работать. В первую очередь, как царство это приняли, так в первую очередь они поехали отца выпустили из тюрьмы и поехали домой. Када они домой приехали, стучать ребята. Говорить... Отец застучал.

- Хто?

- Да я, чё ж ты меня не угадаешь, муж. Отсидел, пришёл.

- Мой муж дома. Никаких больше мужьёв нету!

Ребята стучать.

- У меня нет детей!

- Как же нет? Ты думаешь поела што ль? Да ты ведь съела рябого кобеля, а не нас ты поела. Посчитай собачек, не все!

И тада она...Они...это...двери сняли, влезли. Их выћнали из хаты. Эту няньку взяли в царский двор. Нянька там с отцом поселилися, а ребята так царями и остались.

Вот и сказке конец. Кто рассказывал молодец. А кто слушал – цветочки нюхал.

Примеч. Буква “ћ” обозначает особый звук – г-фрикативный, характерный для южнорусских говоров.

Волгоградская область, Котельниковский район, хутор Генераловский. Н.З. Типикина. Зап. М.П. Чередникова.

Место хранения: Личный архив собирателя.

С.Н. Акулина. Песни Конно-Подгородной слободы

Представленные ниже песни были записаны в Конно-Подгородной слободе моим отцом Николаем Ильичем Кондрашиным вместе с заслуженным деятелем искусств России, руководителем Государственного ансамбля казачьей песни «Криница» (г. Краснодар) Капаевым Владимиром Александровичем. Напели эти песни бабушка и тётушки Н.И. Кондрашина – Анна Ивановна Рыбина (1896-1978), Любовь Ильинична Семёнова (1919-2001), Антонина Ильинична Корженкова (1931-2008).

К сожалению, я не застала в живых прабабушку Анну Ивановну, и поэтому о ее жизни мне мало что известно. Знаю только, что даже в преклонном возрасте она обладала ярким, колоритным голосом.

А вот тётушек папы – Антонину и Любовь я помню очень хорошо. Это были добрые, отзывчивые женщины с нелёгкими судьбами. Когда они приезжали к нам в гости, мы собирались за столом, папа всегда брал баян, и мы пели песни. За душевными разговорами они рассказывали о своем детстве и жизни.

Анна Ивановна родилась в Конно-подгородной слободе, потом жила в Засвияжском районе. Она вырастила 5 детей (дочери Вера, Любовь, Антонина и сыновья Михаил и Владимир). Старшая дочь Вера (моя бабушка) после окончания медицинского техникума работала медицинской сестрой в с. Ново-Никулино. Воевала на 2-ом Украинском фронте. Принимала участие в боях за Курскую дугу и форсировании Днепра. Имеет награды: медаль «За освобождение Праги», орден Отечественной войны, медали «20 лет победы», «40 лет победы».

Антонина Ильинична Рыбина (младшая дочь Анны Ивановны) также родилась в Конно-Подгородной слободе и потом проживала в Засвияжском районе. Антонина Ильинична обладала прекрасным голосом, знала очень много старинных песен, которые переняла от своей мамы. Она была душой компании. Ни одно застолье не обходилось без ее песен под гармошку. Также она сочиняла стихи. Жизнь ее была нелегкой, но в трудные минуты ей помогала песня.

Любовь Ильинична Рыбина (средняя дочь) жила в Конно-Подгородной слободе. Работала в колхозе Родина Ильича. Детей не было, но она с большой любовью относилась ко всем родным и близким.

В данную публикацию включены 5 песен этого семейного трио.

Песни имеют одно- и двухголосное строение с тесным расположением голосов. Встречаются терцовые и кварто-квинтовые созвучия.

Рыбина А.И. и Рыбин А.Г.
Фото из семейного архива С.Н. Акулиной.

Как из лузей

Энергично. Сдержанно ♩=88

1. Как и_ з(ы) лу_ зе_ и, как и_ з(ы) лу_ зе_ й,
из зе_ лё_ на_ и_ х(ы), из зе_ лё... о_ на_ и_ х(ы).

2. Тут шли п(ы)рош_ ли, да, тут шли п(ы)ро_шли, да
тут шли про_шли, да
кра_ сны де_ вуш_ ки, да, кра_ сны де... вуш_ ки, да.

3. О_ д(ы)_на у_ ни_ х(ы), о_ д(ы)_на.. а у_ ни_ х(ы)
ва_ пи_ рё_ т(ы) и_ дё_ т(ы), ва_ пи_ рёт и_ дё_ т(ы).

4. Впи_ рё_ т(ы) и_ дё_ т(ы), впи_ рёт и_ дё_ т(ы),
пу_ть у_ ка_ зы_ вы_ т(ы), пу_ть у_ ка.. а_ зы_ вы_ т(ы).

1. Как из(ы) лузей,
Как из(ы) лузей,
Из зелёна(и)х(ы),
Из зелё..она(и)х(ы).

6. Где не(я) в(ы)зи(я)л(ы)са, да
Где не в(ы)зил(ы)са, да,
Добрый мо..олыдиц(ы),
Добрый мо..олыдиц(ы).

2. Тут шли, п(ы)рошли, да,

7. Увёл(ы), увёл(ы),

Тут шли, п(ы)рошли, да,
Красны девушки, да,
Красны девушки, да.

3. Од(ы)на у них(ы),
Од(ы)на.. а у них(ы),
Ва пирёт(ы) идёт(ы),
Ва пирёт идёт(ы).

4. Впирёт(ы) идёт(ы),
Впирёт идёт(ы),
Путь указывыт(ы)**,
Путь ука..азывыт(ы).

5. Указывыт(ы),
Ука..азывыт(ы)
Путь дорожен(и)ку, да,
Путь широ..окыю, да.

Увёл(ы), увёл(ы)
Красну де..евицу, да,
Красну де..евицу, да.

8. Вот всплак(ы)нули, да,
Вот вспалк(ы)нули, да,
Тридцать де(е)..ушик(ы)***,
Тридцать кра..с(ы)наих(ы).

9. А кто у нас,
А кто у нас(ы)
Ва пирёт(ы) пойдёт(ы),
Ва пирёт пойдёт.

10. Впирёт(ы) пойдет(ы),
Впирёт(ы) пойдет(ы),
В путь дорожинику, да,
В путь ширококю.

Примеч.

*лузей – лугов

** указывыт(ы) – указывает

*** де(е)ушик(ы) – девушек

Весенняя хороводная. Пелась на Троицу.

Записано Н.И. Кондрашиным и В.А. Капаевым в г. Ульяновске от А.И. Рыбиной 1896 г.р. и Л.И. Семёновой 1919 г.р.

Расшифровала и нотировала С.Н Акулина.

Место хранения: личный архив С.Н Акулиной.

Не было ветру

Спокойно. Умеренно ♩ = 68

1. Не бы_ ло вет_ ру,
не бы_ ло вет_ ру,
вдру_ г(ы) на_ ве_ я_ ло, да

2. Не бы_ ло го_ стей,
не бы_ ло го_ стей,
вдру_ г(ы) на_ гря_ ну_ ли.

3. По_ лны се_ ни,
по_ л(ы)_ ны се_ ни,
всё кня_ зей, бо_ я_ рев.

4. По_ л(ы)_ ны за_ лы,

по_ л(ы)_ ны за_ лы,

кра_ с(ы)_ ны_ х(ы) де_ ву_ ши_ к(ы).

5. По_ л(ы)_ ны дво_ ры,

по_ л(ы) ны дво_ ры,

ва_ ро_ ных ко_ ней.

1. Не было ветру,
Не было ветру,
Вдруг навеяло, да.
2. Не было гостей,
Не было гостей,
Вдруг нагрнули.
3. Полны сени,
Пол(ы)ны сени,
Всё князей, боярев.
4. Пол(ы)ны залы,
Пол(ы)ны залы,
Крас(ы)ных(ы) деушик(ы).
5. Пол(ы)ны дворы,
Пол(ы)ны дворы,
Варонх коней.

*Свадебная лирическая. Исполнялась перед выкупом невесты.
Записано Н.И. Кондрашиным и В.А. Капаевым в г. Ульяновске от А.И. Рыбиной 1896 г.р., Л.И. Семёновой 1919 г.р., А.И. Корженковой 1931г.р.
Расшифровала и нотировала С.Н Акулина.
Место хранения: личный архив С.Н Акулиной.*

Молодка

Весело. Сдержанно ♩ = 66

1. Мо_ ло_ дка, мо_ ло_ дка, мо_ ло_ день_ ка_ я, да,

го_ ло_ вка тво_ я, да, по_ бе_ днинь_ ка_ я.

2. Го_ ло_ вка тво_ я, да, по_ бе_ днинь_ ка_ я,

не с кем мне мо_ ло_ дке но_ чку но_ че_ вать.

1. Молодка, молодка,
Молоденькая, да,
Головка твоя, да,
Победнинькая.
2. Головка твоя, да,
Победнинькая,
Не с кем мне молодке
Ночку ночевать.
3. Не с кем мне молодке
Ночку ночевати,

Ночку новевати,
Тёмну пиреспать.

4. Ночку ночевати,
Тёмну переспати.
Лягу спать одна, да,
Без мила дружка.

*В Конно-Подгородной Слободе песня исполнялась на свадьбах – на горном пире на второй день.
Записано Н.И. Кондрашиным и В.А. Капаевым в г. Ульяновске от А.И. Рыбиной 1896 г.р., Л.И.
Семёновой 1919 г.р., А.И. Корженковой 1931г.р.
Расшифровала и нотировала С.Н Акулина.
Место хранения: личный архив С.Н Акулиной.*

На кем кудри-то

С задором. Умеренно ♩ = 72

1. На кем кудри-та,
На кем русые,
По плечам лежат,
По плечам лежат.

2. У Ивана-та
Николаича,
Ровна жар горят(ы),
Ровна жар горят(ы).

3. Ровна жар горят(ы),
Ровна жар горят(ы),
Розвитца хотят(ы),

Розвитца хотят(ы).

4. Розвитца хотят(ы),
Розвитца хотят(ы),
Жеитца велят(ы),
Женитца велят.

5. –Ты женись, женись,
Ты женись, женись,
Добрый молодец,
Добрый молодец.

6. Ты возьми, возьми,
Ты возьми, возьми,
Дочь купецкую,
Малодецкую.

7. Отца с матерью, ды
Отца с матерью,
Всё богатыва,
Всё богатыва.

8. Рода племени,
Рода племени,
Всё хорошего,
Всё хорошего.

*Свадебная величальная песня. Исполнялась жениху.
Записано Н.И. Кондрашиным и В.А. Капаевым в г. Ульяновске от А.И. Рыбиной 1896 г.р., Л.И.
Семёновой 1919 г.р., А.И. Корженковой 1931г.р.
Расшифровала и нотировала С.Н Акулина.
Место хранения: личный архив С.Н Акулиной.*

Подуй, подуй, мать-погодушка

Печально. Неторопливо ♩ = 72

1. По_дуй - ка, по_дуй, мать-по_го душ_ка,
с вы_со_ки_х(ы) гор.

2. Эх, с вы_со_ки-(и)х го_р(ы) ты ра_зду.. у_и, раз_не_си, да
мать-по_го_душ_ка, ка_ли_ну, да ва са_ду.

3. Ка_ли_ну в са_ду, да ка_ли_ну_шку.. у_да
са ма_ли_ну_ш(э)_кэй, ла_зо_ри_вэ_я цвет.

4. Эх, ла_зо_ри_вай цве_т(ы) ви_сё.. о_лэ_я
та кан_па_ни_ца, где ж ми_ли... и_н(и)_кы_е_пъёт.

5. О_н(ы) пи_ть-та, не_пъё_т(э), раз_го_лу_бчи_к(э) мой,
за м(ы)_ной мла_до_я_шлёт.

Подуй-ка, подуй,
Мать-погодушка,
С высоких(ы) гор.
Эх, с высоки(и)х гор(ы).
Ты разду..(у)и, разнеси, да мать-погодушка.
Калину, да ва саду.
Калину в саду, да.
Калинушку..у да, са малинуш(э)кэй,
Лазоривэя цвет.
Эх, лазоривый цвет(ы).
Висё..(о)лэя та канпани(и)ца,
Где ж мили..(и)некие пьёт.
Он(ы) пить-то не пьёт(э),
Разголубчик(э) мой,
За м(ы)ной младоя шлёт.
Эх, за мной младой шлёт(ы).
А я м(ы)лада, да малодёшинька,
А замешкыласа.
Эх, замешкыласа, да
Я за гу..(у)сими, да я за уткыми,
За ли..ибидими.
Я за вольною, да вольной, да.
Вольной пташечекой,
А за журыныкэю.
Эх, за журынькою, да.
А жу..(у)рынька, да вдоль по берещ(и)ку
Поха(а)живаит.
Похаживаит.
На четы..(ы)ри-то та, да все сторонущ(э)ки
Погляды(э)вы(а)ит.
Поглядыва(и)т.
Как за ре..(е)чен(и)кой, как за быстрою
Слобод(ы)ка, а да всё стоит.
Эх, слободка стоит(э).
Свобо..(и-ё)одушка, д(ы) та не малыя –
Четыри двора.
Четыри двора, да.
Во ка..(а)женным(ы) всё во дворики,
Мне ку..(у)мы, да кума.
Э, всё кум, да кума, да.
Вы ку..(у)мушки, да вы голубуш(и)ки,
Сестри..ицы, эх, вы мое.

Внеобрядовая лирическая песня.

*Записано Н.И. Кондрашиным и В.А. Капаевым в г. Ульяновске от А.И. Рыбиной 1896 г.р., Л.И. Семёновой 1919 г.р., А.И. Корженковой 1931 г.р.
Расшифровала и нотировала С.Н. Акулина.*

Корженкова Антонина Ильинична (справа) и Семёнова Любовь Ильинична (слева).
Фото из семейного архива С.Н. Акулиной.

Хранители традиции

Публикуемые ниже три очерка М.П. Чередниковой, известного российского фольклориста, доктора филологических наук, профессора, руководителя Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова УлГПУ им. И.Н. Ульянова были опубликованы в 1970-е годы в «Ульяновской правде». Полвека прошло с тех пор, но думается, что сегодня они не только не утратили своего значения, но стали еще более актуальны. Для молодых ученых, педагогов, участников фольклорных ансамблей крайне важно знать и помнить о тех, кто сохранил и донес до нас то, что мы любим, чем гордимся, ибо песня – это не только душа всего народа, но и судьба конкретного человека.

Редколлегия

Портрет

– Можно?

– Входите, входите, – Акулина Ивановна встретила нас улыбкой и неожиданным укором:

– Из-за вас всю ночь не спала!

Накануне вечером мы записывали воспоминания деревенских женщин о сельских праздниках. Акулина Ивановна принимала участие в общем разговоре. И вот сейчас неожиданное признание:

– Поговорила с вами, и память мне душу разбередила. Про свою свадьбу вспомнила. Я вот вам сейчас расскажу. Утром, перед тем как жениху приехать, невеста причитывала. Это ведь еще на моей памяти было...

Я попыталась задавать вопросы, чтобы произвести последовательную запись обряда, но безуспешно. Акулина Ивановна отмахивалась от моих вопросов и говорила:

– Да нет, погодите, я про день венчания расскажу! – и снова вспоминала во всех подробностях тот памятный для нее день. Мы торопливо записывали.

На секунду я подняла глаза от тетради и вздрогнула: два удивительных лица смотрели на меня со стены. Портрет был написан маслом по стеклу – техника у народных художников известная и в былые времена распространенная. Но в отличие от привычных сюжетов со стилизованными дворцами, лебедями и златокудрыми красавицами этот портрет был в цвете сдержан и строг. Необычайной красоты молодое мужское лицо поражало внутренней силой. Глубокий взгляд серых глаз, плотно сжатые губы. Черная косоворотка подчеркивает теплоту цвета смуглой матовой кожи. А рядом – лицо мальчишки. Пухлый рот приоткрыт, круглые щеки полыхают румянцем – видно, он только что вбежал в избу с мороза. Черная ушанка на голове и черный зипун на плечах... Этот повторяющийся черный цвет одежды усиливает свет, исходящий от прекрасных лиц.

Заметив мой остановившийся взгляд, Акулина Ивановна объяснила:

– Это муж мой и сын Ванюшка. Перед войной жил в Майне один старичок. Очень уж хорошо рисовал он картины всякие. Вот муж и заказал ему этот портрет, чтобы мне подарить. Я тогда, как увидела, заплакала, что меня нет на этом портрете. А муж сказал:

– Это тебе память о нас.

Так и вышло – память... Ванюшка наш заболел и помер. Госковали мы с мужем. И усыновили сироту – Валея его звали. А потом муж ушел на фронт и погиб в самом начале войны.

Бедовали мы с Валея вдвоем. После победы мы с ним в Майне каждый день на станцию ходили, думали: вдруг встретим нашего папку, вдруг нам по ошибке похоронку прислали...

Несколько дней кряду с нами вместе на платформе появлялись четверо ребятишек – мал мала меньше. Девочка старшенькая за малышами присматривала.

Мать у них померла, вот они теперь одни и встречали отца. Помню я эту встречу.

Приехал после госпиталя солдат Михаил Васильевич Панкратов, и повисли на нем с плачем ребятишки. Я с ним, с Михал Васильичем, поздоровалась, и пошли мы с Валею провожать Панкратовых до дому. Через порог избы переступила – сердце зашлось: из каждого угла сиротское горе глядит... Долго-то стоять да смотреть было некогда. Принесла я картошки, что у нас с Валею оставалась, и наварила обед на все семейство.

Месяца через два поженились мы с Михал Васильичем. Переехали сюда, в Тамбы. Работали, растили ребятишек. Сейчас всех сынов женили. дочерей замуж выдали. Я на детей не жалуясь, хорошие дети. Да и снохи тоже хорошие. Заболела я, в Майне лежала в больнице, так сноха каждый день прибегала навестить.

Акулина Ивановна снова посмотрела на портрет:

– После смерти Ванюшки детей у меня больше не было. Я все плакала и говорила, что в память о сыне сирот воспитаю. Так оно и вышло...

«Отец сыну не поверил»

Иван Иванович Тарасов – росту небольшого. Да и время скрутило жилистую спину так, что стал он похож на сказочного деда-лесовика. Седая опрятная борода и добрые прозрачные глаза довершали это сходство.

Старик был тих и незаметен. Днем, когда пекло солнце, сидел он в маленьком сарайчике, из которого доносился запах сухой душицы.

А вечером, примостившись у палисадника возле избы, смотрел на закат. За пять дней мы ни разу не слышали его голоса. Крикнет с крыльца Клавдия Ивановна – дочь старика: «Тятя! Обедать!». Молча поест он и снова сядет в сторонке, никому не мешая и думая о чем-то своем.

А мы с утра уходили за песнями. Громко радовались, если нам везло, и так же громко огорчались, когда возвращались ни с чем. По вечерам слушали свои записи.

Не замечая того, сами начинали петь:

«Уж вы реки, мои реки.

Реки быстрые-протоки,

Разливались широки...»

Мы уже не только знали в лицо и по именам и отчествам многих жителей деревни, мы могли точно назвать их любимые песни.

Вслед за песнями открывались судьбы певцов.

«Ты Германия, Германия,

Жестокая страна,

Ты оставила, Германия,

Без милого меня», –

пела с болью Ольга Яковлевна Николаева. А со стены смотрело на нас в упор безусое лицо ее молодого мужа.

Собственный сын пережил его уже вдвое. А ей снится он таким, каким в далеком 1941-м увидел его фронтовой фотограф.

В тот вечер, как всегда, мы очень торопились. Предстояло расшифровать с утра записанное, договориться завтрашних встречах.

Я открыла калитку и остановилась. Раскаленным медным диском висело над деревней солнце. Старик, слегка прищурившись, не мигая, смотрел вдаль. Морщинистое лицо его в отблесках заката раскраснелось и казалось помолодевшим. Я тихонько присела рядом.

– Дедушка, расскажите, пожалуйста, о себе.

Казалось, что он не слышал моей просьбы, и я не очень надеялась на ответ.

Ио он заговорил, как будто продолжая только что прерванный разговор:

– У нас был Курмышский сорок девятый полк, восьмая рота. А ротный — петроградский рабочий. Такой настойчивый, до последнего стоял, не терялся. На беду попали мы в плен к белым. Нас разули, раздели, белые-то. Это в октябре месяце. Стояли заморозки. Погнали босяками во Гдов город...

Когда пригнали, мы не сказали, что мы сорок девятого полка, а сказали — тридцать пятого. Тот полк сдавался, не эдакий настойчивый был, как девятый. Нас: «Не желаете ли служить?»

– Не желаем.

Посадили в тюрьму... Через две недели – опять допрос. Ну, мы уговорились обмануть белых: согласились вроде служить, чтобы при первой возможности бежать к нашим. Через месяц ротный выстроил роту – своих и наших несколько человек. Сказал, что мы будем охранять сосновый бор, где засели коммунисты, сорок пять человек. Нас послали в разведку – белых два человека.

Выходим на дорогу, лес по обе стороны. Я впереди иду, не боюсь, что к красным попаду. Только с дороги повернули, к лесу подходить стали, глядь, выходят красные-то. Я навел винтовку на белых: «Господин подпрапорщик, клади оружие!». Он мне: «Молчать!». Но тут красные подоспели... А меня через две недели назначили в Петроград во второй стрелковый полк против Юденича.

В нем и воевал до конца гражданской.

Мы не заметили, как подходили к нам люди, садились на траву, внимательно слушали. Был среди них сын старика Василий Иванович Тарасов, ветеран Отечественной, кавалер ордена Красной Звезды. Он привык к немногословности отца, и сегодняшний рассказ был для него неожиданностью.

Старик замолчал. Видно было, что он утомлен, сказывался возраст. Чтобы дать ему отдохнуть, я решила уйти. Но он сам остановил меня.

– Да, вы насчет песен спрашивали. Я тут одну вспомнил. Слышал ее в двенадцатом годе в Самарской губернии. Мы тогда уходили на отхожий промысел – в нашем селе все портные были. Я тогда видел, как весной девки водили хоровод.

Одна песня, которую они пели, мне больно понравилась.

Так вот что разбередило его память! Наши разговоры, обрывки магнитофонных записей заставили вспомнить далекую молодость. И зазвучала в душе песня, услышанная шестьдесят лет назад, и вспомнился ротный – отчаянный питерский рабочий... Все пережитое всколыхнул давний напев.

Старик пел о молодце, полюбившем любушку-красну девуцу. Пел о сыновнем признании отцу и о сыновней просьбе:

«Позволь, тятенька, жениться.

Позволь взять, кого хочу».

Да ведь это песня, вариант которой в этих местах записывали Языковы, песня, которую мог знать Пушкин!

Старческий голос срывался, дрожал, но казалось, песня обретает силу.

«Отец сыну не поверил,

Что на свете есть любовь».

Солнце скрылось за покатыми крышами. Только алая полоска напоминала о недавнем пожарище. А старик пел о трагедии любящего сердца, пел о смерти молодца, который не смог жить на свете без любви.

Поэт

От Большого Жеребятникова до Сергиевки – километра два песчаной дороги. Жаркий день, редкий в это дождливое лето. Идем, не зная, *что* нас ожидает в маленькой деревушке.

Неожиданно быстро на горизонте появляются крыши деревенских изб. Между дорогой и деревенской улицей – широкий луг. Несколько косцов – двое мужчин и три женщины — торопятся. Трудное лето. Скошенная трава не успевает просохнуть, еще не становится сеном, а к утру уже начинается бедственный дождь. Разнотравье небывалое — выше пояса, а сено так и не попадает в копны – гниет на глазах.

Усталые люди не замечают, как мы подходим к ним. В сенокосную эту страду странно звучат наши вопросы: помнят ли в деревне старинные песни? Нет ли частушечников? Кто знает, почему деревня называется Сергиевка?

На потных, загорелых лицах появляются улыбки. В глазах – сомнение.

Нет, песен не помнит уже никто нынче. Кто помнил, те померли. Разве что Александр Нестерович Малиновский... «Во-он его избенка, первая с краю. Может, он что и скажет».

Подходим к первой избе на крохотной улочке. Открываем калитку и направляемся к распахнутой двери сарая. Запах лугового разнотравья кружит голову. Донник, душица, зверобой, аккуратно связанные в пучки и грудой лежащие в корзинах, заполняют небольшое пространство сарая. Миловидная круглолицая женщина поднимает голову и смотрит на нас весело и вопросительно. Мы представляемся.

Она понимающе кивает головой и входит в избу. На крыльце появляется сухощавый мужчина лет шестидесяти пяти и, встав в несколько театральную позу, приглашает нас:

– Милости просим, гости дорогие! Александр Нестерович Малиновский рад приветствовать вас!

На стене небольшой избы – сероватые блики множества фотографии – обычная летопись сельских семей, запечатлевшая памятные даты рождений, свадеб и смертей многочисленной деревенской родни. Но один портрет, явно попавший сюда из магазина сувениров, делает эту экспозицию непривычной.

Перехватив мой взгляд, хотя с некоторой торжественностью объявляет:

– Александр Блок. Великий русский поэт!

Малиновский с явным удовольствием узнает о цели нашего визита и вдруг сообщает:

– Пишу я давно, лет с семнадцати, пишу, когда бывает наплыв мыслей...

Мы с недоумением переглядываемся, а он уже подает команду, обращаясь к жене: «Дуся! Принеси мой архив!».

Не дождавшись ответа, в нетерпении бежит в чулан и входит, бережно обхватив руками огромный, пыльный чемодан. Через секунду извлекаются на свет полуистлевшие ученические тетради, блокноты. Александр Нестерович восторженно листает их, скороговоркой сообщая:

– Это я написал, когда Гагарин полетел к звездам, а это – на Первое мая...

Осторожно пытаюсь объяснить, что мы не занимаемся публикацией стихов, и спрашиваю, не писал ли Александр Нестерович песен, которые пелись бы в его деревне. Собеседник понимает меня с полуслова.

– Как же, как же, знаем. Фольклор, народное искусство, так сказать.

Обводит глазами наши лица.

– Ну, вы-то молодые еще, не помните, конечно, была такая песня – «Кирпичики». Так вот на ее мотив и наткал свою автобиографию.

И через минуту зазвучала наивная и проникновенная исповедь рабочего парня, выросшего в горе и нужде, «на окраине, возле Полоцка». Это было воспоминание о матери, с трудом поднимавшей кучу ребятишек, о чахоточном огне, о родном брате, который чудом попал в приказчики. Голос у Александра Нестеровича оказался, прекрасным.

А главное было то, что он не просто пел, а самозабвенно «играл» песню, как талантливый актер. Голос то набирал полную силу, то срывался до шепота. Заканчивалась эта драматическая биография рабочей семьи словами о революции и приветствием, с которым рабочий парнишка встречал новое время:

«Власть Советская защитит меня.

Ей батрацкий привет я свой шлю».

Я слушала старика и думала, что к таким вот людям обратился когда-то Алексей Максимович Горький, говоря, что им необходимо учиться, чтобы природный их талант проявился в полную силу.

Парнишке с Полоцкой окраины учиться почти не пришлось. Еще до революции в голодный год семья переселилась из Белоруссии в Сибирь. На новых землях белорусские крестьяне сохранили название своей родной деревни, и появилось в Сибири село Михилевка. Для Александра Нестеровича это название навсегда связано с именем рано умершей матери. И как эта дорогая память, в его сердце живут и сегодня любимые материнские песни.

Мы записываем «Михилевскую свадебную», «Съездил я коника, съездил вороного», старинную балладу «Крапивка моя стрикливая» и многое, многое другое.

Далеко за полночь Александр Нестерович объявляет:

– А стихи я вам все-таки прочитаю!

И, показывая рукой на репродукцию «Сикстинской мадонны», вырезанную «Огонька» и наклеенную на стену, продолжает:

– Был такой художник Рафаэль. Вот картина его. Я долго смотрел на эту картину и написал стихи. Про нее, – он кивнул в сторону сидевшей рядом жены.

И мы услышали стихи деревенского самоучки, навеянные светлыми образами Рафаэля. Они заканчивались своеобразным гимном русской крестьянке:

«Я Рафаэлю не завидую,

Моя – прекрасней, чем его!».

И с радостным изумлением посмотрев на жену, он протянул к ней руки и воскликнул:

- Она ж живая!

Тихо улыбалась женщина, слушая это необычное признание в любви.

А студенты, производившие запись, внезапно разразились аплодисментами. Мне был понятен их юношеский восторг.

Экспедиционная работа

М.Г. Матлин. Фольклорная экспедиция Центра развития и сохранения фольклора – филиала Центра народной культуры Ульяновской области по Чердаклинскому району Ульяновской области

С 5 по 10 июля 2021 года в Чердаклинском районе Ульяновской области работала фольклорная экспедиция Центра развития и сохранения фольклора – филиала Центра народной культуры. В ней принимали участие М.Г. Матлин – научный сотрудник ЦРСФ, доктор филологических наук, профессор каф. русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова, Н.И. Масякина – руководитель народного коллектива ансамбль «Русская песня» ЦНК, А.П. Липатова – доцент каф. русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова, Е.В. Сафронов – журналист, писатель, фольклорист, О. Сафронова – студентка 4 курса историко-филологического факультета УлГПУ им. И.Н. Ульянова.

Село Красный Яр. Фото М.Г. Матлина.

Экспедицией были обследованы 5 сел: Красный Яр, Крестово-Городище, Старый Белый Яр, Новый Белый Яр, Суходол. Информантами были 20 человек от 1933 г.р. до 1977 г.р. Все они – представители старожильческого населения этих сел. Больше половины опрошенных – работники культуры и участники вокальных коллективов сел Крестово-Городище (7 чел.), Красный Яр (5 чел.). В с. Крестово-Городище участники экспедиции познакомились с экспозициями двух школьных музеев – историко-этнографического (директор музея – В.В. Лифанов, учитель истории) и музея олимпийского Мишки (директор музея – директор музея Н.П. Мигунова, учитель русского языка и литературы).

Так как эта часть района в недалеком прошлом была территорией проживания представителей древлеправославной церкви (Крестово-Городище – поморское и спасово согласие, Красный Яр – беглопоповцы), было проведено интервьюирование последних представителей этих общин, а также сделаны фотографии их кладбищ. Еще одним важным

направлением экспедиционной работе стала запись воспоминаний старожилов села Крестово-Городище о жизни села до его затопления и переноса на другое место в связи с созданием Куйбышевского водохранилища.

Село Старый Белый Яр. Старообрядческое кладбище. Фото М.Г. Матлина.

Многие интервью с жителями сел, исполнение песен вокальным коллективом «Берёзка» с. Крестово-Городище и отдельными певцами с. Красный Яр были записаны на видеокамеру.

От представителей старшего поколения записаны рассказы-воспоминания о таких календарных обрядах, как Святки (включая святочное ряженье, святочные гадания), Рождество, Закливание птиц («Жаворонки»), Средокрестие, Троица, Проводы весны и др. Меньше удалось зафиксировать рассказов-воспоминаний о традиционной русской свадьбе.

Село Суходол. Беседа о календарных обрядах с А.В. Савельевой. Фото Е.В. Сафронова.

А вот произведений народной прозы (былички и поверия о колдунах и оборотнях, устные рассказы о голоде в период Великой Отечественной войны, рассказы про иномирные сновидения и др.) было записано много.

Село Крестово-Городище. Запись воспоминаний о жизни села от К.Ф. Евстигнеевой.
Фото М.Г. Матлина

Удалось также записать как полные тексты, так и фрагменты произведений народного музыкально-песенного наследия: немного обрядовой лирики (календарной, свадебной) и около 20 песен внеобрядовой лирики, включая духовные стихи.

Село Крестово-Городище: «Полетим кукушка («Соловей кукушку уговаривал»), «Было у тёщи семеро зятьёв», «Выплывало три кораблика» (свадебная лирическая песня), «Дорогие мои подруженьки» (свадебный причет невесты), «Дорогая моя матушка» (свадебный причет невесты).

Село Крестово-Городище. Запись вокального коллектива «Берёзка». Фото М.Г. Матлина.

Село Красный Яр: «22-го июня, ровно в 4 часа» (песня Великой Отечественной войны), «Хаз-Булат удало», «По диким степям Забайкалья», «Волга-речка», «Вниз по Волге-реке», «Шумел камыш», «Это было в Гренаде» (городской романс), «Бедненький мальчик»

(городской романс), «Чужая милая» (городской романс), «Голубым туманам» (городской романс), «Порой он хвастался другою» (городской романс), «Что ты смотришь на меня в упор?» (городской романс), «А мы с милёночком расстались» (городской романс).

Старый Белый Яр: «Молодка», «Лиза по лесу гуляла», «Верба хлёт, бей до слёз» (приговорка на вербное воскресенье), «Взирала она на Иисуса Христа» (духовный стих), «Крест тяжёлый» (духовный стих).

Записаны частушки: рекрутские (3), барыня (4), подгорные (5).

В с. Красный Яр удалось зафиксировать наигрыш, который бытовал в селе и назывался «красноярским». А в с. Крестово-Городище – воспоминания с элементами реконструкции кадрили.

Село Суходол. «Хозяин». Автор В.Н. Савельев. Фото М.Г. Матлина.

Е.А. Гусейнова. «Жаворонки-перепёлушки»

Ярким солнечным утром жаркого августа 2021 года мы отправились в очередную фольклорно-этнографическую экспедицию в наше любимое село Старое Матюшкино Чердаклинского района Ульяновской области. Участниками экспедиции стали Елена Гусейнова – заведующая фольклорным отделением Губернаторской школы искусств для одарённых детей, руководитель народного коллектива фольклорного ансамбля «Авсень», Михаил Жуков – концертмейстер ансамбля и наша самая юная воспитанница – Миленочка Жукова. Основной целью нашей поездки было изучение местной песенной и кулинарной традиции, приуроченной к весеннему празднику Закликания птиц («Жаворонки»). В гости нас ждали уже знакомые нам жители села Раиса Ивановна Костина, Юлия Сергеевна Охлопкина и наша путеводительница – Ирина Викторовна Таралина. В дороге мы любовались красотой природы, жёлтыми от подсолнухов полями и большими просторами нашей области. Всё это вдохновляло и предвкушало предстоящую беседу с настоящими носителями народной традиционной культуры. Всех интереснее было маленькой Миленочке, ведь она отправилась в такое путешествие впервые. Мы подъехали к дому, где нас встречала его хозяйка Раиса Ивановна. В этом доме я была не один раз, доброжелательность и гостеприимство этих людей всегда вызывало в моей душе радостное чувство.

Р.И. Костина, Ю.С. Охлопкина и Милена Жукова. Фото М. Жукова.

Наше общение началось с того, что Раиса Ивановна рассказала, как на селе встречали праздники, какие были обычаи и обряды. Подробнее мы решили остановиться на обрядовом действии с жаворонками (выпечка из пресного теста) на Сороки. Нам хотелось посмотреть, насколько естественно дети в лице Милены способны воспринять местную традиционную кухню и календарный песенный фольклор. И начали мы с самого интересного – с изготовления птичек. В отличие от народной традиции мы делали птичек из сдобного теста. В его состав входили: мука, масло, сметана, сахарный песок и яйца.

Милена Жукова и ее первые жаворонки. Фото М. Жукова.

Во время процесса его приготовления, Раиса Ивановна пела заклички с местным традиционным напевом, который легко ложится на слух и хорошо запоминается. Спустя несколько минут Милена стала подпевать одну из них. Хозяйка дома рассказала, что в день весеннего равноденствия шустрая ребятня закликала первых весенних птиц, забираясь на крыши своих домов, подбрасывая испеченных жаворонков вверх со словами:

Жаворонки-перепёлушки!
Прилетите к нам,
Весну красную
Принесите нам!

Мы наблюдали за маленькой Миленой, которая с большим удовольствием слушала рассказ и очень увлеченно придавала тесту форму птицы, делала крылышки, вставляла глазки из спелых ягод черемухи, повторяя все действия за бабушкой Раей. Было приятно осознавать: вот она – взаимосвязь поколений, традиция, которая передаётся естественным образом от самих носителей традиционной культуры. Положив готовых жаворонков на сковороду для выпекания, Раиса Ивановна принялась разжигать настоящую деревенскую печь. Достала предметы домашнего обихода: ухват, кочергу. Восторга Милены не было границ, она сразу попросила дать ей в руки ухват и сфотографировать её.

Миленка Жукова – маленькая хозяйка большой печки. Фото М. Жукова.

Мы выждали определенное время, и наши жаворонки полетели выпекаться. Спустя несколько минут в дом зашла Юлия Сергеевна Охлопкина, уроженка села Старое Матюшкино. Она знала о нашем приезде и присоединилась к беседе. Юлия Сергеевна спела нам две весенние заклички. Мы с нетерпением ждали приготовления сдобных жаворонков. Обстановка в избе была незабываемой! Пение весенних закличек, «стряпанье» жаворонков, завораживающий огонь печи – всё это создавало неповторимую атмосферу старины и домашнего тепла. Нам хотелось остановить время и как можно дольше насладиться этими мгновениями. И вот результат наших трудов готов. Румяных жаворонков достали из печи, положили на блюдо и поставили на стол. Мы долго смотрели на всю эту красоту и наконец, попробовали вкусную выпечку...

Милена Жукова и жаворонки бабушки Раи. Фото М. Жукова.

Вечерело, время нашего пребывания в экспедиции приближалось к завершению. Возвращаясь домой, мы остановились в золотистом поле подсолнухов. К нам пришло чувство

глубокой гордости за любимый край, за тех людей, которые в нем живут и могут передать нам традиции своей семьи и своего народа.

Материал, собранный во время этой фольклорно-этнографической экспедиции, был использован потом на уроках народного творчества в Губернаторской школе искусств. Милена с большим удовольствием рассказывала ребятам из фольклорного ансамбля «Авсень» об этой поездке и о традиции выпекания жаворонков. Мы показали детям экспедиционные фото и видеозаписи, сделанные Михаилом Сергеевичем Жуковым. Летом 2022 года, мы запланировали вместе со всеми участниками коллектива поехать в новую не менее интересную экспедицию.

А.Д. Ефимова, М.Г. Матлин. Путешествие за жаворонками

Итоги мастер-класса по изготовлению жаворонков. Фото М.Г. Матлина.

В октябре 2021 г. студентки 1 курса историко-филологического факультета Александра Колтунова, Мария Кузьмина, Клавдия Емельянова и Валерия Осипова, выполняя задание преподавателя – приготовить сообщение о весеннем календарном обряде закликания птиц, решили не только рассказать об этом интересном обряде, но и приготовить жаворонков – птичек, которых выпекали к этому празднику.

Девушки рассказывают о своей поездке к Е.Л. Емельяновой. Фото М.Г. Матлина.

Поэтому К. Емельянова предложила подругам съездить в гости к ее бабушке – Елене Леонидовне Емельяновой в р.п. Старая Майна. Подруги с радостью согласились, и уже вечером в пятницу они дружной компанией входили в ее дом. Елена Леонидовна, предупрежденная внучкой по телефону, встречала милых гостей не только доброй улыбкой, но и вкусными пирогами.

Е.Л. Емельянова родилась и выросла в селе Иваново Ивановской области. Мама её была учителем русского языка и литературы, а папа – военнослужащий. В г. Иванове, куда она позднее переехала, она работала на ткацкой фабрике. В Иванове же она познакомилась со своим будущим мужем, который потом и увез ее к себе на родину – в р.п. Старую Майну. Как рассказала Клавдия Емельянова, бабушка с раннего детства приучила ее к традиционным праздникам и обрядам. Она не только рассказывала о них, но и вместе с внучкой пекла жаворонки для ее подружек, многочисленной родни, которые всегда приходили в этот день к ним в гости. Жаворонков они делали двух видов: одни для детей, чтобы закликать птиц, а другие – для украшения стола. «Ну мы таких тоже делали птичек с бабушкой, они шли для украшения. То есть если тех мы прям кидали, кликали, выходили во двор и, если было не очень скользко, то залезали на сарай, а так просто с крыльца подкидывали вверх, то вот этих мы просто ставили красивых, на стол клали. Она любила около телевизора так вот ставить, яйца пасхальные, и жаворонков».

Бабушка также научила ее украшать березку на Троицу, плести венки, водила на речку и показывала, как нужно венки бросать в воду и гадать по ним. Часто с ними ходили подружки Клары и другие внучки и внуки бабушки. А еще, как рассказала Клавдия, самое «фирменная» выпечка у бабушки – это рождественское печенье – пряничный домик. «Она каждый год за месяц до Рождества достает все свои старые книги рецептов, ветхие, которые от мамы от её. Потом с трепетом раскатывает тесто. У нас дома уже в декабре пахнет корицей, имбирём, потому что она уже начала. Она замешивает тесто, она пробует, какое оно на вкус. И ещё, самое главное, что у нас каждый год, и это делает только моя бабушка в моей семье, это пряничный домик на Рождество. Она каждый год его выпекает, украшает и он стоит у нас до Крещения Господня. Вот. И когда мы уже собираемся всей семьёй, тогда уже делим и съедаем его».

Когда девушки приехали, Елена Леонидовна уже подготовила тесто. Затем выложила его на большой стол, девушки встали возле него, а бабушку поставили в середину, чтобы видно было всем. Потом тесто разделили на всех и стали трудиться под её наблюдением. Сначала Елена Леонидовна рассказала и показала, как изготовить птичку: «Несложными махинациями рук мы выворачиваем, как я показываю, и у нас получается небольшой такой кулёчек»... И если у Клары жаворонки получился достаточно быстро, то у Марии Кузьминой, которая раньше никогда не видела, как их делают, да и сама не пробовала, сперва ничего не получилась. «Я начинаю скручивать это тесто, у меня ничего не получается, я его раскручиваю. Опять скручиваю. Пытаюсь разрезать ножом, у меня всё слипается, я ножницами начинаю». Не сразу пошло дело и у других студенток. Но освоив несложный процесс изготовления птички, они затем стали «фантазировать»: кто-то сделал жаворонка с раскрытыми крылышками, кто-то со сложными, а Валерия Осипова даже придумала свою технологию. «Ну первоначальную птичку я делала так, как показывала она. А дальше этот жаворонки пережил столько махинаций. То есть выглядит он сейчас хорошо. Но, чтобы сплести вот такую вот косичку пришлось немало потрудиться. Сначала раскатала заново. Поэтому плетёшь как обычную косичку. То есть приготавливаешь вот эту колбаску, делаешь разрезы, затем как волосы заплетает. Вот потихонечку складываешь, потом кончик, чтобы сделать хвостик, ты его прищипываешь и разрезаешь ножом, как это делала бабушка. А на крылышки берёшь отдельно кусочек теста, снизу прикрепляешь на вот этот небольшой пласт и делаешь крылышки».

Итоги мастер-класса

К. Емельянова. Фото М.Г. Матлина.

М. Кузьмина. Фото М.Г. Матлина.

А. Колтунова. Фото М.Г. Матлина.

В. Осипова. Фото М.Г. Матлина.

Результатами своей работы все девушки остались очень довольны! И задумались: «Почему бы не сделать эту народную традицию – частью своего кулинарного опыта?».

Фото М.Г. Матлина.

Работа по выявлению и
описанию объектов
нематериального культурного
наследия

М.Г. Матлин. Традиция оформления надгробий на православных кладбищах в Старомайском районе Ульяновской области

Среди объектов традиционной культуры, в которых органически слиты материальное и нематериальное (духовное), особое место занимают места захоронения (кладбища, погосты). Изучение этих мест помогает увидеть, с одной стороны, как формируется отношение к смерти, некоторые материальные и технологические аспекты культуры общества, а, с другой, традиционные этноконфессиональные факторы и роль в этом исторического процесса. Именно поэтому сельское кладбище является, во-первых, сложным духовным образованием, в котором неразрывно соединены как традиционные, так и новые значения, во-вторых, памятником материальной культуры, и, в-третьих, одним из важнейших локусов культурного ландшафта.

Кладбище в современном виде, в качестве отдельной, вынесенного за пределы поселения, территории захоронения умерших возникает только в конце XVIII в. Порядок его формирования был изложен во врачебном Уставе, главные основы которого строились на инструкции, данной в 1797 году учреждавшимся тогда врачебным управам [Энциклопедический словарь]. К началу XX, как отмечает один из ученых, «сельское кладбище в России являло собой особый вид социального некрополя», основные особенности которого «вырабатывались и определялись специальными общегосударственными законами и местными нормативными актами, а также самой бытовой практикой» [Там же].

Сегодня существование кладбища, городского и сельского, регулируется Федеральным законом № 8 «О погребении и похоронном деле» (с изменениями и дополнениями) от 12 января 1996 г. [Федеральный закон №8].

Действующие кладбища, в соответствии с прошлыми и настоящими правилами, размещаются за пределами сельского поселения, хотя еще встречаются остатки старых кладбищ, вошедшие в черту поселения. Наиболее типично размещение кладбищ на возвышении и на необрабатываемом участке земли, но нередки и такие, которые находятся на пахотной территории. Реже встречаются кладбища в лесном массиве.

На всех кладбищах высажены деревья и кустарники – береза, осина, вяз, бузина, сирень, черемуха и проч., изредка встречаются садовые деревья и ягодные кустарники (яблони, вишни). Деревья растут как между отдельными захоронениями, так и внутри их. Возраст самых старых из них в основном не превышает 50-60 лет, что примерно соответствует среднему периоду существования кладбища в сельской местности Ульяновской области. Большинство кладбищ имеют ограждения и ворота с крестом наверху, которые часто в соответствии с традицией располагаются створом на восток, но могут быть сориентированы в зависимости от дороги на кладбище. Однако на многих кладбищах частично ограждение отсутствует вследствие особого рельефа (например, примыкающего к кладбищу оврага, как в с. Аркаево, Ждамирово Сурского района) или потому, что деревянная изгородь частично разрушилась от времени. Очень редки на кладбищах часовенки, которые, как, например, в с. Кадышево Карсунского района представляют собой небольшой односрубный дом с крестом на крыше, в котором размещено небольшое количество икон. Чаще всего на кладбище находится небольшой стол под навесом, который используется для проведения богослужения и освящения поминальной еды, приносимой на кладбище по родительским дням.

Организация пространства внутри кладбища имеет линейно-гнездовой характер, обусловленным взаимодействием упорядочивания захоронения (по городскому типу) с традиционным семейно-родовым принципом погребений. Подавляющее большинство могил на таком захоронении отделены от других оградами, в качественной временной меры может быть использована веревка, однако некоторые семейно-родовые погребения (в основном, самые старые) ограды не имели. Для изготовления оградок использованы дерево, металл, что

отражает историческое изменение этой традиции. Оградки, особенно 1960-1980-х годов, изготовленные при помощи сварки из металлических труб и колец (обрезки труб) и проволоки разного диаметра, очень многообразны.

Не менее разнообразны и типы памятников, между которыми преобладающими являются, в процессе их исторической смены, крестообразные, пирамидальные (воспроизводят конструкцию обелиска), стелы (прямоугольные, овальные, изредка встречаются эксклюзивные памятники. Из символов абсолютно преобладает крест, изредка на старых надгробиях советской эпохи помещена пятиконечная звезда. На самых старых деревянных крестах вырезаны имя, отчество, фамилия усопшего и даты жизни. Изредка встречается прибитая к кресту часть медного складня или небольшая иконка. На более поздних памятниках есть фотографии усопших, одиночные и парные (супруги). Эпитафии характерны только для новых памятников, на старых – деревянных крестах, как правило, размещается лишь традиционная формула – «Здесь покоится раб(а) божий(ия) (имярек)». Все памятники украшены венками из искусственных цветов и отдельными цветами, внутри многих захоронений есть врытые в землю столики, стоят табуретки (оставляют, как правило, одну из табуреток, которые используют во время похорон), иногда встречаются лавки. На столиках могут стоять стаканы, рюмки, блюда, иногда лежат конфеты, сигареты, зерно и проч. Наряду со старыми, почти сгнившими и не обихаживаемыми памятниками встречаются, в том числе и старые, как железные, так и деревянные, покрашенные свежей краской.

Сегодня часто происходит смена старых надгробных памятников новыми из мраморной крошки, мрамора, гранита, керамогранита с цветником из таких же блоков, которые изготавливаются и устанавливаются специализированными фирмами и отдельными предпринимателями. Надгробные памятники на сельских кладбищах очень разнообразны, в них ярко отразились исторических изменениях в способах объективации памяти об умершем/погибшем, о конфессиональных и региональных особенностях, о взаимодействии существующей народной традиции с бизнесом ритуальных услуг и т.д.

Наиболее традиционным надмогильным памятником на сельских кладбищах является крест. Разновидности креста по материалу, технологии изготовления, форме отражают исторические изменения, происходившие в селе во второй половине XX в.: на смену деревянным крестам, приходят металлические, затем из мраморной крошки, мрамора, гранита, и, наконец, литые кресты. Это историческое изменение затрагивало не только материал, но и технологию и форму креста. Например, на смену простым металлическим крестам, изготовленным из труб или стальных пластин, пришли ажурные, сваренные из тонких металлических прутьев или арматуры. По форме это, прежде всего, восьмиконечные православные кресты (три перекладины), но встречается, и голубец (восьмиконечный с двускатной крышей).

Самой типичной для эпохи 1980–1990-х годов стала металлическая стела, приваренная на металлический же постамент квадратной или прямоугольной формы, ножки которой были или врыты в землю, или стояли на ней. Она была вертикальная, часто со скошенным налево или направо углом, трапецевидная с сужением вниз. К ней прикреплялись таблички с датами рождения и гибели, керамические фотографии умершего/умерших, поминальные надписи, конфессиональные знаки – крестик или пятиконечная звезда – могли размещаться как на лицевой стороне стелы, так и на ее вершине. На смену ей в 1990-е приходит стела такой же формы, изготовленная из мраморной крошки с прямоугольным постаментом, правда, уже не только вертикальная, но и горизонтальная, с закругленным или шатрообразным верхом, с усеченным углом или двумя углами, а уже в 2000-е появляются мраморные и гранитные плиты, вертикальные и горизонтальные, правильной и неправильной формы. Вместо фотографий и

табличек на них наносятся изображения, информационные и поминальные надписи, орнаменты и т.д.

Одним из наиболее интересных типов надмогильных крестов, выявленных в ходе экспедиции по Старомайнскому району Ульяновской области, являются кресты, в которых отражены гендерные различия, условно говоря, – мужские и женские кресты. Последующее интервьюирование местных жителей подтвердило, что такое разграничение на данной территории было осознанным и традиционным.

Примеры «мужского» и «женского» креста

мужской крест

женский крест

В некоторых селах мужской крест определяли как крест с «шапкой» (на осевом столбе сверху прибита деревянная плашка), а женский как крест с «платком» (так называли двускатную крышку на вершине креста).

В разных селах района эти особенности надмогильных памятников проявлялись по-разному.

1. Село Новиковка

Крест мужской на могиле мужчины	Крест мужской на могиле женщины	Крест с платком неидентифицируемый
		

Есть мужские и женские кресты, но точно идентифицировать можно только мужской. Встречаются также кресты с «платком» без надписей и табличек. На некоторых женских могилах стоят мужские кресты. Только на двух мужских могилах зафиксирован мужской крест.

2. Село Аристовка.

Есть мужские и женские кресты.

Крест мужской на могиле мужчины	Крест женский на могиле женщины	Крест женский с поздней табличкой, на которой указаны мужчина и женщина
		

3. Село Красная Река.

Есть мужские и женские кресты. Есть мужской крест на могиле женщины и женский крест на могиле мужчины.

Женский крест с одной перекладиной	Женский крест с двумя перекладинами	Женский крест с тремя перекладинами
		
Крест мужской на могиле мужчины	Крест мужской железный с закрасненной табличкой	Крест мужской без таблички
		

4. Село Лесное Никольское.
 Есть кресты мужские и женские.

Мужской крест на могиле мужчины и женский крест на могиле женщины

Крест мужской на могиле женщины

Крест женский на могиле мужчины

Крест мужской с табличкой женщины и мужчины

5. Село Малая Кандала.

Есть только мужской крест, женский (с платком) отсутствует. Мужской крест есть как на мужских, так и женских могилах.

Крест мужской на могиле мужчины	Крест мужской на могиле женщины	Крест мужской с табличкой мужчины и женщины
		

6. Село Большая Кандала:

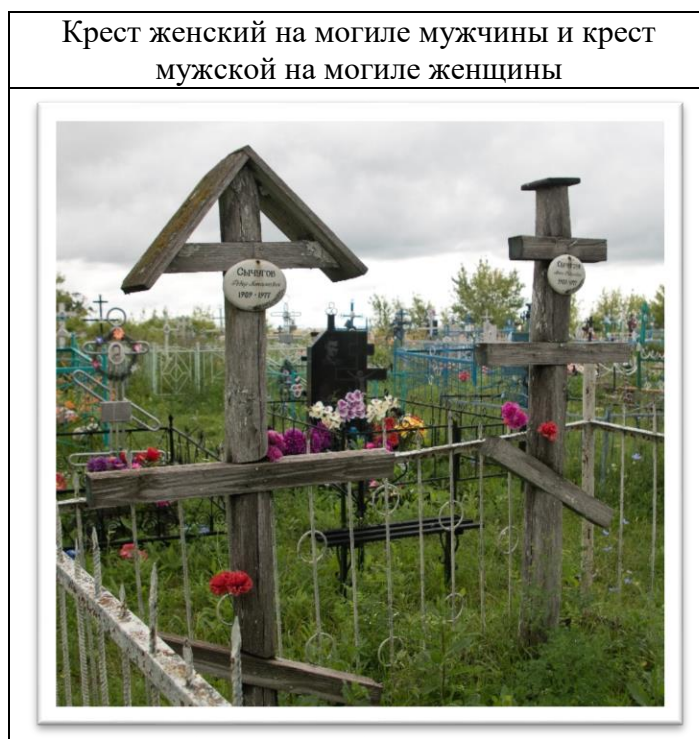
Абсолютно преобладает мужской крест, женский крест (с платком) зафиксирован только на трех могилах.

Крест мужской на мужской могиле	Крест мужской на женских могилах	Крест женский на женской могиле
		

7. Село Старое Рождествено.

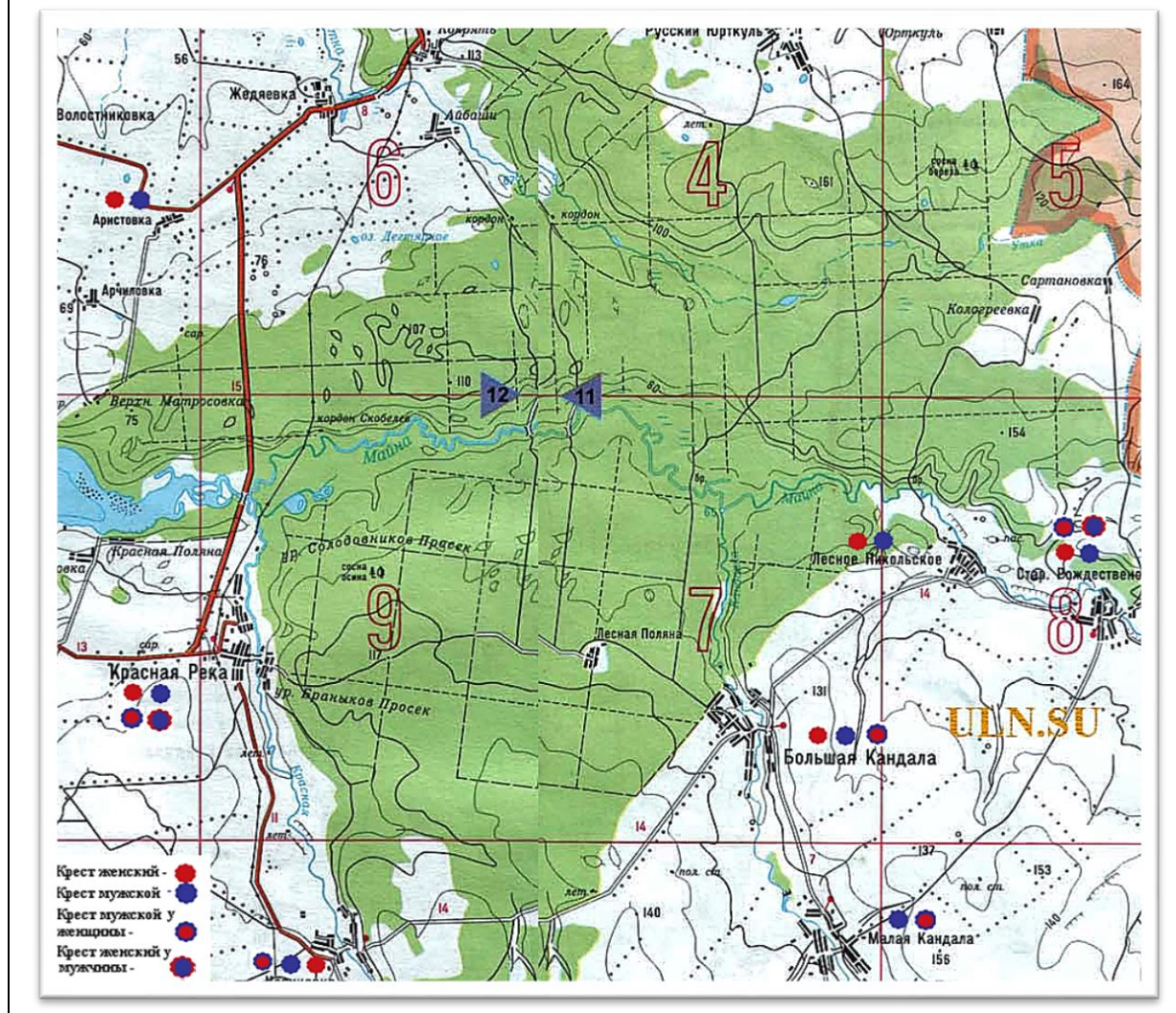
Есть мужской и женский кресты на соответствующих могилах. Есть мужской на женской могиле и женский на мужской.

Крест мужской на мужской могиле	Крест женский на женской могиле
	

Различные типы надмогильных крестов в селах Старомайнского района

Таким образом на территории Старомайнского района выявлены надмогильные памятники (кресты), в оформлении которых присутствует гендерный аспект. Существует два основных типа надмогильных крестов, которые выполняют эту функцию – крест «с шапкой» и крест «с платком».

Надмогильные кресты на кладбищах сел Лесное Никольское и Аристовка характеризуются четким гендерным разграничением – на женских стоят кресты «с платками», на мужских – «с шапками».

Надмогильные кресты на кладбище села Малая Кандаля не имеют четкой выраженной гендерной семантики и представлены только крестами «с шапкой», которые установлены как на мужских, так и на женских могилах.

Надмогильные кресты на кладбищах сел Большая Кандаля и Новиковка представлены как крестами «с платком» на женских могилах, а «с шапкой» – на мужских (гендерная семантика), так и утратой ее, ибо кресты «с шапкой» установлены и на женских могилах.

Надмогильные кресты на кладбищах сел Красная Река и Старое Рождествено представлены крестами «с платком» на женских могилах, «с шапкой» – на мужских, в чем проявляется гендерная семантика, так и утратой ее, ибо кресты «с шапкой» установлены на женских могилах, а кресты «с платком» – на мужских.

В селах Жедяевка и Ясашное Помряскино в оформлении надгробий (крестов) гендерный аспект отсутствует.

Многие кресты обеих типов часто не имеют никаких указаний на то, кто захоронен в данной могиле. Как пояснили жители некоторых сел, примерно до 1960-х годов указание на погребенного вырезали на самих крестах или не вырезали вообще.

Появление такой гендерной семантики может быть объяснено тем, что коренное население указанных сел принадлежало русской православной старообрядческой церкви, на что указывают некоторые исторические документы.

Такое многообразие вариантов гендерной семантики в оформлении надгробий (крестов), с одной стороны, отражает общую особенность традиционной культуры, которая по определению академика Н.И. Толстого, «диалектна», а с другой, есть результат исторического развития данной традиции, который характеризовался ее постепенным угасанием и разрушением.

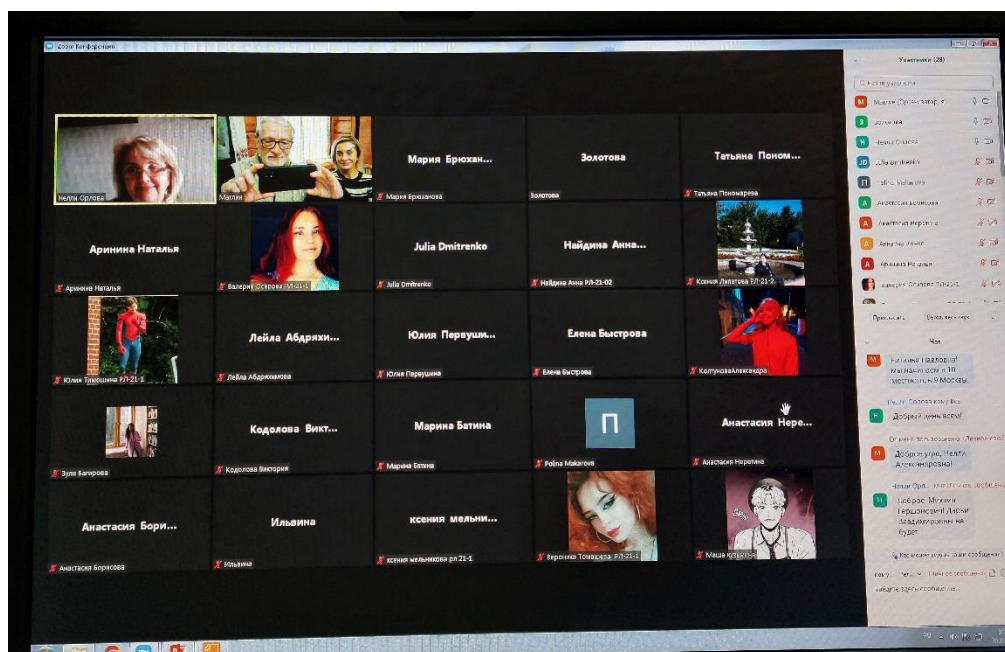
Литература

Энциклопедический словарь – Энциклопедический словарь / Под ред. профессора И.Е. Андреевского, К.К.Арсеньева и заслуженного профессора Ф.Ф. Петрушевского. Спб., 1890-1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.

Федеральный закон № 8 – Федеральный закон № 8 "О погребении и похоронном деле" (с изменениями и дополнениями) от 12 января 1996 г. URL: <http://www.garant.ru/law/5870-003.htm>

Научно-практические конференции

М.Г. Матлин. I Всероссийская научно-практическая конференция «Традиционная русская культура и фольклор сегодня. Экспедиционные и архивные открытия»

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Н.А. Орлова, зав. Центром развития и сохранения фольклора – филиала Центра народной культуры Ульяновской области.

30 октября Центр развития и сохранения фольклора – филиал ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области» совместно с Научно-образовательным центром «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» провели Всероссийскую научно-практическую конференцию «Традиционная русская культура и фольклор сегодня. Экспедиционные и архивные открытия». В конференции приняли участие ученые, аспиранты и магистранты Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва), Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (г. Москва), Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Республика Марий-Эл), Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Республика Коми), Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск), филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Республике Крым (г. Севастополь, Республика Крым), а также преподаватели Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, работники культуры и учителя общеобразовательных школ г. Ульяновска и области. Центр развития и сохранения фольклора представляли Н.А. Орлова – заведующая Центром развития и сохранения фольклора, Н.П. Аринина – руководитель народного коллектива фольклорного ансамбля «Ладанка», М.С. Иванова – руководитель студии художественной керамики «Гончар», М.Г. Матлин – научный сотрудник отдела народного творчества Центра развития и сохранения фольклора.

Тематика докладов охватывала большой круг современных и актуальных проблем отечественной фольклористики и смежных наук – этнографии, социально-культурной антропологии, культурологии, этнопедагогике и др.

Так, например, Н.П. Аринина, кандидат исторических наук, руководитель народного коллектива фольклорного ансамбля «Ладанка» Центра развития и сохранения фольклора, заслуженный работник культуры Ульяновской области, рассказала о традиционных рецептах календарно-обрядовой выпечки на территории Ульяновской области, собранных в фольклорных экспедициях по региону. А.П. Липатова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» раскрыла в докладе «Легенда и процесс идентификации местных жителей (на примере рассказов об уходе иконы из села)» сложный процесс функционирования сегодня христианской легенды – одного из классических и по-прежнему активно бытующих жанров русского фольклора. С докладом «Состояние похоронной обрядности в русских селах Чистопольского района Республики Татарстан» выступила В.Е. Добровольская, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствознания Института славянской культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)». Новые принципы систематизации считалок – интереснейшего и активного жанра детского игрового фольклора на примере тверских считалок раскрыл в своем докладе М.В. Строганов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Литературное наследие» ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького» РАН.

С докладом «Фольклорная традиция бывшего заводского поселения Курашим Пермского края (по архивным материалам 1947 – 2008 гг.)» выступили С.Ю. Королёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, заведующая Лабораторией теоретической и прикладной фольклористики ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» и М.А. Брюханова, инженер Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики, сотрудник научной библиотеки того же университета.

Творческие портреты трех хранителей русской традиционной культуры и фольклора республики Марий-Эл (Валентина Артемьевна Кислова, Анастасия Константиновна Ермичева, Евдокия Степановна Меркурьева) представили в своем докладе Т.А. Золотова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», и Е.А. Плотникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики того же университета.

С короткой, но очень яркой судьбой молодого фольклориста, посвятившего свою жизнь возрождению народных традиций родного села, познакомила в своем докладе «Человек-архив» (об одном молодом наследнике пижемских традиций) Т.С. Канева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, старший научный сотрудник НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

Независимый исследователь Владимир Федорович Шевченко (г. Москва – г. Ульяновск) в своем докладе «Фольклор и этнография в фондах Государственного архива Ульяновской области: (Опыт создания тематического аннотированного указателя)» охарактеризовал состав и содержание данных фондов.

О.А. Москаленко, заведующий Литературным музеем «Дом Языковых» – филиал ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова», и Н.М. Москаленко, преподаватель МБУ ДО ДШИ №7 г. Ульяновска, рассказали об одной из главных находок во время фольклорно-этнографической экспедиции 2021 г. по Вешкаймскому району Ульяновской области – творчеством балалаечницы из д. Каргино.

С очень интересными и разнообразными темами выступили студенты Института славянской культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» Кодолова Виктория Александровна («Присвоение «чужого» чуда: легенда о явлении иконы Ахтырской Божией матери в деревне Ахтырка, Сергиево-Посадского района Московской области»), Неретина Анастасия Александровна («Использование авторской репрезентации фольклорного образа в самостоятельном декорировании элементов быта»), Чапленко Анна Игоревна («Обряд «Проводы льда» / «Боз Озату» в селе Иванково Альменевского района Курганской области»), Пономарева Татьяна Валерьевна («Смеховое начало в самостоятельных регулятивных объявлениях»), а также Пенизова Алина Сергеевна, студентка филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (г. Севастополь, Республика Крым) (научный руководитель кандидат филологических наук Анна Александровна Иванова). Все доклады были построены на основе полевого материала, собранного студентами, опирались на современные научные подходы к интерпретации явлений и форм современной традиционной культуры.

Преподаватель Ульяновского музыкального училища им. Г.И. Шадринной ФБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» Галкина Марина Владимировна представила полевые материалы, раскрывающие особенности использованию насекомых в игровой и неигровой практике современных детей – теме, мало освещенной в научной литературе.

Доклад Лосевой Светланы Алексеевны, магистрантки 2 курса ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Архангельск) был посвящен раскрытию особенностей современных мифологических рассказов русского населения полуострова Канин (научный руководитель доктор филологических наук Наталья Васильевна Дранникова).

С разновидностями традиционных форм гончарной посуды Ульяновской области, её повседневному и обрядовому применению познакомила в своем сообщении Мария Сергеевна Иванова, руководитель студии художественной керамики «Гончар» Центра развития и сохранения фольклора (г. Ульяновск).

Большой интерес вызвал доклад «Три года детства в Крестово-Городище»: Воспоминания художника Виктора Чижикова» Мигуновой Нины Павловны, учителя русского языка и литературы МОУ «Крестовогородищенская средняя школа имени Героя Советского Союза Михаила Федоровича Вахрамеева» (с. Крестово-Городище Чердаклинского района Ульяновской области). В нем она не только раскрыла некоторые особенности жизни детей старинного русского села военной поры, отталкиваясь от воспоминаний художника, но и познакомила с богатой коллекцией уникального музея, созданного в школе – музея, посвященного Олимпийскому Мишке, образ которого создал Народный художник Российской Федерации В. Чижиков.

Завершил конференцию доклад Михаила Гершеновича Матлина, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», научного сотрудника отдела народного творчества Центра развития и сохранения фольклора (г. Ульяновск) «“Что случилось, мой миленький мальчик?”: новые варианты народных жестоких романсов второй половины XX века, записанные в селе Крестово-Городище Чердаклинского района Ульяновской области».

По итогам конференции Центром развития и сохранения совместно с Научно-образовательным центром «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова УлГПУ им. И.Н. Ульянова будет подготовлен сборник статей.

Традиционная культура и фольклор в культурно-досуговой работе

О.В. Михайлова. Народный коллектив ансамбль народной песни «СимбирскЪ»

Ансамбль народной песни «СимбирскЪ». Фото Д. Малышевой.

Ансамбль народной песни «СимбирскЪ» был создан в 2010 году на базе МБОУК «Руслан» города Ульяновска выпускником Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова Александром Владимировичем Михайловым. Широкой публике он стал известен под названием «Отрада», однако в 2021 году было принято решение переименовать его, и теперь ансамбль носит название «СимбирскЪ», так как участники изучают и исполняют традиционные песни Симбирского Поволжья.

Ежегодно участники ансамбля собирают образцы народной музыки в фольклорных экспедициях по Ульяновской области.

Участники ансамбля в фольклорной экспедиции в с. Елшанка Тереньгульского района записывают воспоминания о народных традициях от Р.И. Кузнецовой. Июль 2018 г. Фото М.Г. Матлина.

За годы собирательской работы накопилось внушительное количество уникальных записей не только песен, но и инструментальных наигрышей, а также примеров народной хореографии.

Большинство из собранных материалов, наряду с песнями, записанными в Ульяновской области ранее другими собирателями, входят в репертуар ансамбля.

В работе над воспроизведением фольклорного материала ансамбль опирается в первую очередь на записи, стремясь передать наиболее приближенное к первоисточнику звучание.

Участники ансамбля с жительницей с. Лапшаур Базарносызганского района Т.П. Дворянчиковой – знатоком старинных обрядов и песен. Июль 2016 г. Фото А. Михайлова.

Подобный подход сохраняется и в вопросе внешнего вида участников ансамбля – все костюмы созданы по примерам подлинных образцов традиционной одежды, бытовавшей в Ульяновской области.

Народный коллектив ансамбль народной песни «Симбирскъ». Фото Д. Малышевой.

Сегодня участниками коллектива являются: Крутилина Екатерина Анатольевна – преподаватель МБУ ДО ДШИ имени М.А. Балакирева, Михайлова Ольга Владимировна – преподаватель Музыкального училища им Г.И. Шадринной УлГУ, Хижук Вера Ильинична – преподаватель ЦДТ № 5, Архипова Оксана Геннадьевна – музыкальный руководитель МБ ДОУ Детского сада №78 «Малыш».

Фольклорный ансамбль «СимбирскЪ» ведёт активную концертную деятельность, является постоянным участником различных фестивалей и конкурсов не только в Ульяновске и области. В 2015 году ансамбль получил звание «Народного».

Участники ансамбля показывают игровую программу для детей во время концерта в с. Юрловка Базарносызганского района. Июль 2016 г. Фото И. Павлова.

Репертуар ансамбля постоянно обновляется – изучаются новые песни, танцы, осваиваются новые наигрыши.

Коллектив живёт, развивается и готов принять в свои ряды новых участников.

Народный коллектив ансамбль народной песни «СимбирскЪ». Фото Д. Малышевой.

Л.А. Дмитриева. Музыкально-фольклорный театр «Закидушка»

Музыкально-фольклорный театр «Закидушка». Фото О.В. Ивановой.

Музыкально-фольклорный театр «Закидушка» был создан в сентябре 2016 года на базе хорового отделения детской школы искусств № 12 г. Ульяновска. Руководителями коллектива стали молодые специалисты, выпускницы Московского государственного института культуры и искусства Лейла Алимовна Дмитриева и Татьяна Геннадьевна Руднева, а концертмейстером в 2019 году стал выпускник Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова Кирилл Сергеевич Кассович.

В первый класс музыкальной школы были отобраны ребята с хорошими природными музыкальными данными: музыкальной памятью, слухо-двигательной координацией, умением правильно интонировать и, самое главное, высокой мотивацией к занятиям в классе фольклорного искусства.

На занятиях дети учились не только петь, они осваивали и развивались в различных направлениях: народный театр, фольклорная хореография, музыкальный инструмент и, конечно же, изучали народное творчество, без которого невозможно представить себе фольклорный коллектив.

В первый же год учебной деятельности ребята и их преподаватели приняли участие в I Региональном фестивале осенних обрядов и праздников «Здравствуй, Покров-батюшка», организованным ЦНК ЦРСФ в г. Новоульяновске. На суд зрителей был представлен «Капустник» – сценический вариант осеннего обряда, зафиксированный в Ульяновской области. Его же, коллектив представил на Международном конкурсе «Волга в сердце впадает моё» (январь 2017 г.) и завоевал высшую награду – Гран При.

Такой успешный старт стал важным мотивом для учащихся и руководителей продолжать активную концертную и конкурсную деятельность. «Закидушка» становится непременным участником школьных, городских, областных мероприятий.

Ребята разучивали театрализованные представления и обрядовые действия, в том числе такие, как «Рождественские святки», «Широкая Масленица», «Закливание жаворонков»,

«Светлая Пасха», «Семенов день», «Весёлая ярмарка». Особенно интересной работой стала постановка сказки С.Я. Маршака «Кошкин дом», в которой дети перевоплощались в персонажей, пели, танцевали и играли... В общем-то по этой схеме проходят все показательные выступления театра, ведь в русском народном творчестве песня, танец и действие редко существовали сами по себе. Благодаря такому подходу дети могут в будущем найти возможность проявить себя в различных направлениях: стать музыкантами, актёрами, режиссерами, хореографами, да и просто разносторонне развитыми личностями, которым рады в любом коллективе.

В 2021 году Музыкально-фольклорному театру «Закидушка» исполнилось 5 лет, и в мае этого года состоялось волнительное и в то же время радостное событие – коллектив выдвинул свою кандидатуру на почётное звание «Народный коллектив». Для показа было выбрано не простое поэтическое произведение – пьеса Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», написанная по мотивам русской народной сказки «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Участники спектакля по пьесе Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».
Фото Р.Б. Идрисова.

В постановку вошли в большей степени песни, записанные в Ульяновской области. Руками талантливой художницы Ириной Александровной Вяловой были нарисованы декорации, сшиты костюмы сказочных персонажей, а режиссёром-постановщиком Татьяной Рудневой была поставлена восхитительная сказка, которая никого не оставила равнодушным. Для детей это был большой праздник и своеобразный экзамен, проверка на творческую зрелость, которую они прошли на «отлично», ведь уважаемая экспертная комиссия дала лестные отзывы, обрадовав тем самым руководителей, родителей и, конечно же, самих детей!

Сейчас, в это сложное время, время неблагоприятной эпидемиологической обстановки, когда регулярно все школы, в том числе и дополнительного образования отправляют на дистанционное обучение, мы не опускаем руки, а даже наоборот, вопреки всему двигаемся

вперёд, загадывая и задумывая новые театральные постановки и интересные концертные номера, которые непременно воплотим в жизнь и, как и прежде, будем радовать всех окружающих свои творчеством.

Музыкально-фольклорный театр «Закидушка» на одном из городских мероприятий.
Фото О.А. Самойловой.

Народная традиционная
культура в музеях Ульяновска
и Ульяновской области

М.К. Смирнова. Музей народного творчества Центра народной культуры Ульяновской области

Здание музея. Фото М.К. Смирновой.

В 2021 г. исполнилось 30 лет со дня открытия Музея народного творчества ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области». Это важное событие в культурной жизни области стало знаком признания таланта народных художников и мастеров Ульяновской области.

Традиционное народное искусство в коллекции музея представлено образцами крестьянского искусства (домотканые полотенца из «бабушкиных сундуков», плетение из лыка) и художественных промыслов Симбирской губернии – Ульяновской области. Видное место в экспозиции отведено художественной обработке дерева, лозы, местного минерала, названного в честь города Симбирска симбирцитом, тканым и вышитым изделиям. Отдельный раздел посвящён гончарному ремеслу.

Один из разделов экспозиции музея. Фото М.К. Смирновой.

Один из разделов экспозиции музея. Фото М.К. Смирновой.

Самодельное декоративно-прикладное искусство представлено работами современных мастеров или, как их ещё называют, умельцев, многие из которых отличаются самобытностью и близостью к народным традициям (глиняные игрушки, вышивка, ситцевая мозаика, резьба по дереву).

Оригинально и самоценно индивидуальное творчество мастеров-умельцев, создающих свои произведения вне традиций, но достигших уровня художественной значимости (лесная пластика, флористика, изделия из капа, аппликация, текстильные изделия).

Наиболее ценную и значимую часть коллекции музея, и не только в масштабах области, составляют произведения художников так называемого «наивного направления» в искусстве. Их работы нашли признание на зональных, российских, международных выставках, вошли в коллекции многих музеев страны, в том числе Суздальского музея самодельного художественного творчества России, Государственного Российского Дома народного творчества им. В.Д. Поленова.

Широкому кругу специалистов и ценителей наивного искусства известно имя П. Картюкова – заслуженного работника культуры Чувашии.

В коллекции музея есть и работы ныне всемирно известной московской художницы Кати Медведевой. Свой творческий путь она начала в Ульяновске в 1970-х годах. Имя этой самобытной художницы вошло в Международную энциклопедию наивного искусства.

В 1999 году в одном из самых престижных художественных центров Москвы, в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, была открыта выставка живописных произведений «наивного» художника из города Димитровграда Ульяновской области Н.И.

Козырина (1908-1995 гг.). Эта выставка стала событием не только для Ульяновской области, но и для всего наивного искусства России, для специалистов, посвятивших изучению этого направления в живописи многие годы. Впервые произведения художника-самоучки соседствовали с работами блистательных мастеров классики и авангарда.

Дети на мастер классе «Резьба по дереву» в музее. Фото М.К. Смирновой.

В музее неоднократно устраивались выставки местных мастеров. Особой популярностью всегда пользовались выставки мастеров-игрушечников Ульяновской области, а также выставки глиняных игрушек знаменитых российских промыслов (в основном, из частных коллекций).

Важную часть работы музея составляет выставочная деятельность. За 30 лет работы в музее организованы и проведены сотни выставок работ ульяновских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, что является несомненной поддержкой талантливых ульяновских авторов, позволяет открывать новые имена в искусстве.

Среди наиболее значимых реализованных проектов такие, как

- Межрегиональная творческая лаборатория «Интеграция традиций: Симбирская губерния и 73 регион» (2018 г.). Проект был поддержан Министерством культуры РФ и вошёл в Федеральную целевую программу «Культура России. 2012-2018 гг.». В 2018 году проект был реализован на территории выставочного зала Музея народного творчества. Благодаря реализации проекта были выявлены мастера, создающие оригинальные изделия декоративно-прикладного искусства, отображающие местные особенности; привлечено внимание к Кузоватовскому району Ульяновской области, где начала вестись работа по созданию муниципального, а впоследствии и регионального бренда «Кузоватовская роспись».

Мастер-класс по гончарству руководителя мастерской ООО «Керамос» Сергея Русских в рамках Межрегиональной творческой лаборатории «Интеграция традиций и 73 регион».
Фото М.К. Смирновой.

- выставка «CREATIVE SIMBIRSK. Весна» (2019 г.), в которой участвовала болгарская мастерица-лоскутница Наталья Заркова (г. София).

- в рамках проведения III Всероссийской творческой лаборатории «Воспитание традицией» (2019 г.) состоялась выставка деревянной игрушки «Многоликое дерево» (Сергиев Посад), были проведены семинары-практикумы, участниками которых стали мастера декоративно-прикладного искусства, специалисты в области изучения деревянной игрушки и игры из Ульяновской области, Рязани, Мордовии и Подмосковья.

- в рамках проведения II Всероссийского фестиваля свадебных обрядов «Свадьба в Обломовке» (2020 г.) была организована выставка народного свадебного костюма из коллекции С. Глебушкина, проведены лекции и творческие лаборатории.

- в мае 2021 года была организована персональная выставка оригинальных работ московской художницы Марины Русановой «Пословицы в красках».

В Музее постоянно действует выставка-продажа произведений живописи и изделий декоративно-прикладного искусства, популяризирующая творчество ульяновских авторов.

Также музей ведет и будет продолжать вести совместную работу с представителями творческих союзов, общественных организаций, учебных заведений, других организаций и учреждений, работающих с любительскими коллективами и отдельными авторами в различных жанрах любительского изобразительного и декоративно-прикладного искусства, а так же с народными мастерами и организациями, заинтересованными в популярности любительского изобразительного искусства, рукоделия, инновационных видов пластического творчества, современного декоративного искусства.

11 ноября 2021 г. прошли торжественные мероприятия, посвященные 30-летию музея, среди которых лекция «Работа с непрофессиональными художниками: принципы, тактика,

перспективы» М.М. Артамоновой, руководителя организационно-выставочного отдела ГБУК «Музей русского лубка и наивного искусства» (г. Москва), выставку «ТекСтиль энд Артнаив» с участием фольклорного ансамбля «Беседушка» ГБУК «ТКС «Кунцево» (г. Москва), творческая лаборатория «Народное нынче модное» Е. Вороновой, художника-модельера, члена союза дизайнеров России, руководителя клуба-мастерской «Красный сарафан» ГБУК «ТКС «Кунцево» (г. Москва), мастер-класс «Московская песенная традиция. Практика завю Центром развития и сохранения фольклора – филиал Центра народной культуры Ульяновской области» А.А. Гречиной, Заслуженного работника культуры РФ, руководителя фольклорного ансамбля «Беседушка» ГБУК «ТКС «Кунцево» (г. Москва). Завершились торжества концертной программой «Народные песенные посиделки «Украсы Симбирцитовой шкатулки», в которой приняли участие фольклорный ансамбль «Беседушка» ГБУК «ТКС «Кунцево» (г. Москва), творческие коллективы Центра развития и сохранения фольклора – Губернаторский народный фольклорный ансамбль «Ладанка», народный фольклорный театр «Веретено», руководители детского фольклорного ансамбля «Оберег» Венера и Кирилл Кассович, народный ансамбль танца «Симбирские узоры», студенты 4 курса специальности «Этно-художественное творчество» и народный ансамбль танца «Волжанка» Ульяновского колледжа культуры и искусства, народный коллектив хореографический ансамбль «Мозаика» МБУК ЦКС ДК «Строитель».

С юбилеем музей от имени Государственного Российского Дома народного творчества им. В.Д. Поленова поздравила его директор, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, председатель Российского комитета по нематериальному культурному наследию, заслуженный деятель искусств РФ, профессор Т.В. Пуртова.

«Уважаемые коллеги!

Поздравляю вас с 30-летием со дня открытия Музея народного творчества – филиала Центра народной культуры Ульяновской области.

Создание этого уникального музея – знак признания таланта народных художников и мастеров Ульяновской области. Для художественной культуры нашей страны народное искусство – это огромное, бесценное достояние, неиссякаемый источник мудрости, чистоты, вечности.

Наиболее ценную и значимую часть коллекции музея составляют творения наивных художников. Произведения ульяновских «наивов» находятся в коллекции Государственного Российского Дома народного творчества, а также в Суздальском музее самодеятельного художественного творчества России и во многих других музеях страны.

Много сил и внимания коллектив Музея народного творчества уделяет поддержке самодеятельных художников и мастеров-прикладников, развитию интереса к декоративно-прикладному творчеству, традиционной народной культуре среди детей, подростков и молодёжи.

Примите слова искренней благодарности за значительный вклад в развитие народной культуры, за квалифицированную работу с различными категориями граждан, за активную жизненную позицию и огромную работу по сохранению богатейшего культурного наследия. Особые слова благодарности хочу выразить основателю и первому директору Музея Ирине Васильевне Павловой.

От всей души желаю Вам и всему коллективу Музея народного творчества успехов, вдохновения, осуществления смелых идей и творческих замыслов!»

Фоторепортаж о праздновании 30-летия музея

С юбилеем музей поздравляет М.С. Михеева, директор департамента экономики, финансов и права Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области.

С юбилеем музей поздравляет Н.А. Орлова, зав. Центром развития и сохранения фольклора – филиал Центра народной культуры Ульяновской области.

Приветственное слово произносит М.М. Артамонова, руководитель организационно-выставочного отдела ГБУК г. Москвы «Музей русского лубка и наивного искусства».

Выступает ансамбль русской народной песни «Беседушка» ГБУК «ТКС «Кунцево»» (г. Москва, руководитель – А.А. Гречина – заслуженный работник культуры РФ).

Заведующая музеем народной культуры М.К. Смирнова знакомит гостей с экспозицией музея.

Мастер – класс «Московская песенная традиция. Практика освоения» проводит А.А. Гречина, руководитель ансамбль русской народной песни «Беседушка».

Мастер – класс «Московская песенная традиция. Практика освоения» проводит А.А. Гречина, руководитель ансамбль русской народной песни «Беседушка».

Мастер – класс «Московская песенная традиция. Практика освоения» проводит А.А. Гречина, руководитель ансамбль русской народной песни «Беседушка».

Мастер – класс «Московская песенная традиция. Практика освоения» проводит А.А. Гречина, руководитель ансамбль русской народной песни «Беседушка».

Мастер – класс «Московская песенная традиция. Практика освоения» проводит А.А. Гречина, руководитель ансамбль русской народной песни «Беседушка».

Фото М.Г. Матлина

Наши поздравления!

Центр развития и сохранения фольклора поздравляет Наталью Павловну Аринину, заслуженного работника культуры Ульяновской области, руководителя Губернаторского народного коллектива фольклорного ансамбля «Ладанка» с присуждением премии Правительства Российской Федерации «Душа России» за вклад в развитие народного творчества в номинации «Народное пение».

Центр народной культуры выступил с инициативой выдвинуть кандидатуру Натальи Павловны на соискание премии и направил ее в адрес министерства искусства и культурной политики Ульяновской области. Эту кандидатуру обсудили на коллегии министерства, после чего документы отослали в Министерство культуры РФ, где портфолио номинантов, поступившие со всей страны, рассматривали профессиональные эксперты. В итоге в пятерку лауреатов вошла руководитель фольклорного ансамбля «Ладанка».

За плечами Натальи Арининой 28 лет экспедиционной, исследовательской, научной, методической работы, педагогической деятельности в области народного песнетворчества, 17 лет из них она возглавляет «Ладанку». За это время ансамбль не раз становился лауреатом престижных конкурсов и фестивалей всероссийского и международного уровней, в частности Международного конкурса этнической музыки «Мир Сибири», Всероссийского конкурса народных исполнителей «Традиции». Кроме того, завоевывал золотые медали Молодежных Дельфийских игр России, побеждал в национальном проекте «Культура» «Творческие люди» с грантовой поддержкой в два миллиона рублей. Коллектив известен не только в Ульяновской области, но и за её пределами.

Сведения об авторах

Акулина Светлана Николаевна – преподаватель фольклорного отделения МБУ ДО «Детская школа искусств имени М.А. Балакирева».

Гусейнова Елена Александровна – заведующая отделением «Фольклорное искусство» ГАУ ДО «Губернаторской школы искусств для одарённых детей», руководитель народного коллектива фольклорного ансамбля «Авсень».

Дмитриева Лейла Алимовна – преподаватель хорового отделения МБУ ДО «Детская школа искусств имени № 12», руководитель народного коллектива музыкально-фольклорный театр «Закидушка».

Ефимова Арина Дмитриевна – лаборант исследователь Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова».

Липатова Антонина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова».

Матлин Михаил Гершенович – научный сотрудник Центра развития и сохранения фольклора – филиала ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области», профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова».

Михайлова Ольга Владимировна – заведующая отделением «Сольное и хоровое народное пение» Музыкального училища им. Г.И. Шадриной ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

Смирнова Маргарита Константиновна – заведующая Музеем народного творчества – филиал ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области».

Чередникова Маина Павловна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник, руководитель Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова».

Содержание

История собирания и изучения русской народной культуры

М.Г. Матлин. От Святков до Кузьминок: русские народные календарные обряды Симбирской губернии по записям XIX века.....4-25

Публикации записей русского фольклора

Публикации по традиционной культуре и фольклору Симбирской губернии в дореволюционных изданиях

В. Фон-Грейнер. Село Тетюши. Этнографический очерк.....26-30
Материалы из фондов Государственного архива Ульяновской области
«Уж ты, вдовынька, вдова».....32
Материалы из архива НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова УлГПУ им. И.Н. Ульянова
«Хитрый и мудрый» (Бытовая сказка).....33-34
А.П. Липатова. Народные этиологические легенды.....35-38

Современные записи

Охотник (Волшебная сказка).....40-41
С.Н. Акулина. Песни Конно-Подгородной слободы.....42-54

Хранители традиции

М.П. Чередникова. Портрет.....56-57
М.П. Чередникова. «Отец сыну не поверил».....57-59
М.П. Чередникова. Поэт.....59-60

Экспедиционная работа

М.Г. Матлин. Фольклорная экспедиция Центра развития и сохранения фольклора – филиала Центра народной культуры Ульяновской области по Чердаклинскому району Ульяновской области.....62-65
Е.А. Гусейнова. «Жаворонки-перепёлушки».....66-70
А.Д. Ефимова, М.Г. Матлин. Путешествие за жаворонками.....71-74

Работа по выявлению и описанию объектов нематериального культурного наследия

М.Г. Матлин. Традиция оформления надгробий на православных кладбищах в Старомайском районе Ульяновской области.....76-85

Научные конференции

М.Г. Матлин. I Всероссийская научно-практическая конференция «Традиционная русская культура и фольклор сегодня. Экспедиционные и архивные открытия».....87-89

Традиционная культура и фольклор в современной культурно–досуговой и музейной работе

О.В. Михайлова. Народный коллектив ансамбль народной песни «СимбирскЪ»....91-93
Л.А. Дмитриева. Музыкально-фольклорный театр «Закидушка».....94-96

Народная традиционная культура в музеях Ульяновска и Ульяновской области	
М.К. Смирнова. Музей народного творчества Центра народной культуры Ульяновской области.....	98-102
Фоторепортаж о праздновании 30-летия музея.....	103-104
Наши поздравления.....	105
Сведения об авторах.....	106

Министерство просвещения Российской Федерации
ФБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова»
Научно-образовательный центр «Традиционная культура и фольклор Ульяновского
Поволжья» им. Д.Н. Садовникова

Министерство искусства и культурной политики Ульяновской области
ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области»
Центр развития и сохранения фольклора

Ж 67 Живое наследие: Русская народная культура Поволжья. Вып. 4. Сборник статей / Центр развития и сохранения фольклора – филиал ОГБУК «ЦНК»; НОЦ «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д.Н. Садовникова ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», редкол.: М.Г. Матлин (отв. ред.), Орлова Н.А. (отв. за выпуск) и др. Ульяновск: ОГБУК «ЦНК»; ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2021. 109 с.